

Р
УССКИЕ В ГРУЗИИ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЧУДО САМООБЛАДАНИЯ

**НЕЛЛИ КИЛОСАНИДЗЕ
(САГИНАШВИЛИ-ПОДГОРЕЦКАЯ)**

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЧУДО САМООБЛАДАНИЯ

НЕЛЛИ КИЛОСАНИДЗЕ
(САГИНАШВИЛИ-ПОДГОРЕЦКАЯ)

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни близ Москвы заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия стала настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке:

«Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы» и **«Правительства Москвы»**

© **Русский клуб. 2020**

ISBN 978-9941-8-2894-2

«Эдит Пиаф»

«Я ВИЖУ ЛИЦА...»

«Я вижу лица, множество лиц – вас, знакомые и незнакомые, вас, прохожие, которые узнают меня по походке. Ради вас я пою, нередко из последних сил, и ради вас я готова умереть на сцене. Это моя исповедь. И все, чего я хочу, – чтобы услышавший меня сказал: «Ей многое простится, потому что она много любила», – финальные слова монолога из спектакля «Эдит Пиаф», в котором народная артистка Грузии Нелли Килосанидзе сыграла одну из лучших своих ролей. В образе Эдит Пиаф актриса выходила на сцену

десятки раз, на разных сценических площадках, и на каждом спектакле проживала трагическую судьбу великой певицы как впервые, отдавая роли всю себя – любя, умирая и вновь возрождаясь из пепла в песне-исповеди. К счастью, сохранилась запись одного из последних спектаклей «Эдит Пиаф» с участием Елены Александровны. Постановка нисколько не устарела, и видеозапись не мешает восприятию игры актрисы. Да и не игра это, а акт творческой самоотдачи. Только так и возможно, когда речь идет о жиз-

ни-горении, о глубоко искренних, эмоциональных песнях «парижского воробышка». Эдит Пиаф – Нелли Килосанидзе надолго запомнилась тем, кому посчастливилось побывать на этом исповедальном представлении, пронизанном печалью и радостью творчества.

Утонченная и аристократичная, нежная и женственная, сильная и экспрессивная, разная – такой тбилисский зритель знает и помнит Елену Александровну Килосанидзе: в 1990-е годы она уехала из Грузии, но осталась в наших сердцах.

ДЕТСТВО

Музыка, балет, спорт... Круг увлечений и интересов ученицы 25-й тбилисской средней школы Нелли Сагинашвили был довольно широк. Мать, художник Ирина Подгорецкая, посвящала дочь в тайны изобразительного искусства. Дед, профессор, доктор физико-математических наук, заведующий кафедры математики, декан бывшего Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта, Николай Подгорецкий считал, что Нелли должна посвящать себя балету. Бабушка, Манана Зумбулидзе, потомок рода Орбелиани-Дадиани, во время летних каникул в селе Чхиквта Тетрицкаройского района рассказывала внучке о театре. Брат Гиви совето-

С отцом

вал заняться режиссурой. Словом, жизнь предлагала множество тропинок, и Нелли предстояло сделать судьбоносный выбор – найти единственный верный путь.

Елена Александровна вспоминает: «Мой отец, военный юрист Александр Сагинашвили, в 1937 году был репрессирован – мне еще не было и двух лет. Моя мама, Ирина Подгорецкая, была театральным художником. До войны она, молодой оформитель, работала в театре Грибоедова вместе с замечательным художником Ириной Штенберг. Меня – я была тогда совсем еще маленькой – мама таскала с собой на работу. Однажды, когда на сцене что-то устанавливали, я вышла впервые на подмостки. И мой первый выход был... в открытый люк. Я провалилась. Правда, мягко. Но это был полный провал! Правда, потом, как ни странно, этот случай никак не определил мою судьбу. Вспоминаю, что в период войны, когда было за-

темнение и запрещалось выходить на улицу, мы задерживались в театре, и директор Константин Ясонинович Шах-Азизов оставял маме ключи от своего кабинета, где меня укладывали спать. Мне было тогда шесть лет. А когда исполнилось семь, мама перешла в ТЮЗ художником-постановщиком. Я помню оформленный ею спектакль «Забавный случай» К. Гольдони, который поставил Евгений Лебедев и исполнял в нем главную роль.

В детстве я училась в балетной и музыкальной школах. Одна из маминых подруг, Валентина Романовна Гамсахурдиа, интеллигентнейшая женщина, кстати, тетушка Звиада Гамсахурдиа – она работала с мамой в ТЮЗе постановщиком танцев и одновременно вела в театре танцевальный кружок для детей, просто заставила меня после войны посту-

Мама

«Я маленькая балерина»

пить в хореографическое училище. Я с удовольствием училась балету, но с перерывами – годы были тяжелые, шла война. Жили мы в постоянной нужде, к тому же танцевать мне мешали отмороженные ноги – они невыносимо болели. Несколько раз я бросала занятия, потом снова возвращалась к ним. В один из балетных периодов моей одноклассницей была будущая балерина народная артистка Грузии Ирина Джандиери. Та же история произошла и с музыкой. Я делала успехи, даже выступала в Малом зале консерватории. Но и музыку пришлось забросить: у меня появилась младшая сестра Магда. Когда она родилась, продали пианино. Но это все мелочи, главное, что у меня сегодня есть сестра, которую я очень люблю...»

Хореографические навыки при-

годились актрисе много лет спустя, когда она сыграла в музыкальном спектакле «Три мушкетера» в постановке Александра Товстоногова Анну Австрийскую. В сцене объяснения с герцогом Бекингом венценосная героиня Елены Александровны пела и танцевала, стоя на пуантах. Да и в других спектаклях балетная подготовка Нелли дополняла ее образы пластическими нюансами, придавала им легкость, грациозность.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТОВСТОНОГОВА

В актерской судьбе Нелли определенной роль сыграл сам Георгий Александрович Товстоногов.

Елена Александровна вспоминает: «Я получила одобрение великого режиссера, когда сделала первый шаг навстречу своей судьбе. Мне повезло, что перед поступлением в театральный вуз волею счастливого случая меня благословили на выбор профессии две легендарные личности – Товстоногов и знаменитая актриса, первая исполнительница роли принцессы Турандот в легендарной постановке Евгения Вахтангова – Цецилия Мансурова. Расскажу, как это произошло. После школы я поехала в Москву поступать в университет, думала, что буду учиться

Георгий Товстоногов

на филолога или художника-модельера. Я неплохо рисовала – передались материнские гены. О театре даже не мечтала. Скажу больше – безумно боялась сцены. Станцевать, сыграть на фортепиано – пожалуйста, но не выступать на сцене в качестве актрисы. Все получилось совершенно случайно. В Москве я оказалась в компании девочек из театрального института, которые уговорили меня подготовить программу и сдавать к ним. Мне было интересно испытать себя, но особым желанием стать артисткой я не горела. Скорее воспринимала всю эту затею как увлекательную игру, приключение. Подружки стали подбирать мне репертуар, остановились на рассказе Горького «Нунча». Я не успела еще выучить басню и стихи,

как родные устроили мне прослушивание на квартире Мансуровой. Цецилия Львовна внимательно выслушала «Нунчу» и неожиданно для всех воодушевилась – тут же принялась менять мне прическу, подарила какую-то ленточку, а главное, настояла, чтобы я читала на предстоящих экзаменах лирическое стихотворение «Ландыши продают» Григория Левина:

На привокзальной площади
Ландыши продают.
Какой необычный, странный смысл
Ландышам придают.
Ландыши продают.
Почему не просто дают?
Почему не дарят,
 как любимый взгляд?
Ландыши продают...

Непорочно белые, чистые,
Лучевидные и лучистые,
Непогрешимые —
 что им гроши мои?
Ландыши продают...
Что звучит пошлей —
 «пошла по рукам»?
Но не тот же смысл
 я словам придам,
Если я спрошу,
 Москвой проваландавшись:
«Почем ландыши?»
Почем свежесть?
Почем красота?
Почем нежность?
Почем чистота?
Почем воздух сегодня дают?
Не правда ли, странно,
 когда услышишь:
«Ландыши продают»?

Получив одобрение замечательной актрисы, я не удивилась, когда мамин тбилисский приятель, талантливый макетчик Центрального детского театра Вадим Борисович Болтунов, объявил: «В ТЮЗе завтра будет Гога Товстоногов, он согласился прослушать тебя!» Очевидно, я тогда не понимала масштаба этих людей, поэтому не испытывала трепета перед ними. К тому же мне было совершенно безразлично, поступлю я в театральный или нет: я рвалась в Тбилиси, была безумно влюблена и всерьез считала, что долгая разлука подобна смерти. Товстоногов выполнил обещание и задержался, чтобы послушать тбилискую девочку в фойе ТЮЗа. Я опять прочитала «Нунчу». Георгий Александрович захотел услышать басню. Я вытаскала из кармана листок и начала читать текст с выражением. «Нет, так я тоже могу! Надо читать наизусть, – засмеялся Товстоногов. – Читай стих!» Вместо рекомендованных Мансуровой «Ландышей» я с воодушевлением прочитала совершенно мещанские стишки, соответствовавшие моему душевному состоянию, представляя при этом своего тбилисского любимого: «Хочу быть твоей тучей, твоим ветром!» Несмотря на всю эту чушь, Товстоногов воспринял мое выступление и предложил приехать в Ленинград прямо на экзамены – туры мне проходить не надо было. Он сказал, что примет меня на свой курс. Но в Ленинград я так и не поехала...

«ЩУКА» И ВЛАДИМИР ЭТУШ

В итоге Нелли подала документы в Московское театральное училище имени Б. Щукина и с первой попытки поступила на курс Владимира Этуша.

«Он оказался замечательным педагогом, – вспоминает Елена Александровна, – хотя это был его первый набор. Владимиру Абрамовичу тогда было всего тридцать пять лет. Он производил впечатление веселого, остроумного человека, но мы его немного побаивались. На первый курс Владимир Этуш ото-

Владимир Этуш

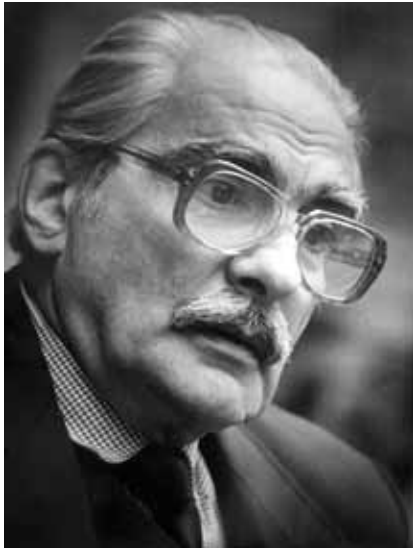

брал Вениамина Смехова, Зиновия Высоковского, Людмилу Максакову, Ивана Бортника. Конкурс был огромный! В тот год в Щукинское училище не поступили сестра Василия Ланового и ставшая популярной после картины «Белые ночи» Люся Марченко. Выдержать экзаменационный марафон мне очень помогла «группа поддержки», состоявшая из нескольких актрис Вахтанговского театра. Цецилия Львовна поразила окружающих в очередной раз – она прервала отдых и специально приехала в Москву на заключительные прослушивания, чтобы проследить, читаю ли я «Ландыши» или всякую ерунду. Учиться было очень интересно, я уже поняла, что всерьез заболела театром. Но тем не менее через два года я оставила своих обожаемых учителей, походы в столичные театры, друзей и перевелась в Тбилисский театральный институт имени Шота Руставели».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТБИЛИСИ. ТУМАНИШВИЛИ. «ВИД С МОСТА»

Большая любовь перевесила честолюбивые помыслы Нелли. В Тбилиси она вышла замуж за физика,

Михаил Туманишвили

красавца Тенгиза Килосанидзе. Уже через год появился на свет ее старший сын Константин, и будущей актрисе пришлось разрываться между семьей и институтом. Это были первые испытания, с которыми Нелли справилась.

Актерская судьба Елены Александровны с самого начала сложилась на редкость счастливо. Буквально через несколько лет после дебюта на сцене Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова ей было присвоено звание заслуженной артистки Грузии. За семь лет сценической деятельности, еще не достигнув предельного возраста молодой артистки, она сыграла больше двадцати главных ролей. Чаще всего Нелли воплощала на сцене молодых современниц и всякий раз находила

точный ключ к образу, помогающий не только раскрыть душевный мир своей героини, но и четко определить ее социальную позицию. Про «социальную позицию» в те годы писали журналисты – это был важный момент, свидетельствующий о значимости актерской работы.

Удачный старт молодого актера часто становится определяющим для его дальнейшей судьбы. Нелли повезло – свою дебютную роль она сыграла в спектакле «Вид с моста» американского драматурга Артура Миллера в постановке выдающегося режиссера-педагога Михаила Ивановича Туманишвили. И для начинающей актрисы она стала настоящим звездным.

Когда Нелли училась на четвертом курсе – это было в 1962 году, ее пригласили в театр имени А.С. Грибоедова, на сцене которого режиссер и ставил свой спектакль. Участие Елены Килосанидзе в постановке было условием Михаила Туманишвили. Девушка у него не училась, но Михаил Иванович знал ее по институту. К тому же в это время на экраны вышел замечательный короткометражный фильм «Быль, рассказанная кистью», в котором актриса сыграла главную роль, и Туманишвили видел ее работу. Эта поэтичная, тонкая картина режиссера Мераба Джалиашвили сохранила для нас прелестный, одухотворенный образ Нелли той поры – она сыграла скрипачку, пережившую личную драму: предательство любимого человека (его играет муж актрисы – Тенгиз Килосанидзе). В фильме

«Вид с моста». Кэтрин

показано, как искусство выражает природу человека, суть отношений между людьми, помогает им заглянуть внутрь самих себя, разобраться в каких-то сложных вещах. Нежная Нелли великолепно смотрится на экране – особенно с ребенком на руках (это был ее сын Котик). Жаль, что начавшийся было у актрисы роман с кинематографом не имел продолжения. По сюжету героиня Елены Килосанидзе вдохновила художника на создание портрета юной матери с младенцем. Как, вероятно, вдохновила и Михаила Туманишвили, решившего пригласить Нелли в свою театральную постановку на главную роль Кэтрин.

Вот как вспоминает актриса процесс создания спектакля: «Продолжая учиться, я начала, с разрешения руководства вуза, репетировать в спектакле Туманишвили. Это был очень необычный режиссер. Он проводил с нами этюды. Однажды велел мне спуститься на первый этаж,

а потом подняться. Как выяснилось, вслед за мной он послал моего партнера, который по пьесе был в меня влюблен. Я спускалась, а он меня догонял, старался остановить, чтобы завязать какие-то отношения. А я-то не была предупреждена – я его на полном серьезе отшвыривала, говорила: «Ну что с вами? Я замужем. Отстаньте от меня!» А это было специально задумано, чтобы ввести меня в требуемое состояние... В театре работала аккомпаниатор Анечка, хорошая пианистка, супруга актера Анатолия Левина, и она все время играла на репетициях – Туманишвили постоянно просил музыку. И вдруг, услышав какую-то мелодию, сказал мне: «Нелли, вы же учились хореографии? Протанцуйте свидание «Ромео и Джульетты», как вы это видите!» Некоторые мои движения и позы он потом ввел в мизансцены. Когда он разводил спектакль в репетиционном зале, находившемся на последнем этаже старого здания театра, к нам приходила вся труппа, сидела, смотрела, как Миша работает. И он разрешал присутствовать. Это было действительно очень интересно! Но я зажималась, чувствовала себя очень неловко и трудно. А позднее, когда он стал хвалить меня и сцены начали постепенно вырисовываться, я уже ощущала себя как рыба в воде. Туманишвили никогда не показывал. Он приходил на репетиции с кадрами – рисунками. Михаил Иванович рисовал все мизансцены. К примеру, изображал меня в движении. Это было очень наглядно. Режиссер

увлекался разными деревянными поделками и подарил мне статуэтку из коряги, в которой угадывалось человеческое тело. Дело в том, что у меня в спектакле основная лирическая сцена была такая: мы с моим партнером бегали друг за другом, вернее, он хотел меня поймать, а я убегала. Он меня обегал с другой стороны, хватал, а я в испуге поднимала руки вверх. Позднее Туманишвили увидел эту позу и это состояние в какой-то коряге, приклеил голову, обработал... и написал мне на платформе статуэтки очень теплые слова: «Нелли! Пусть твоя дорога в искусстве будет счастливой! Я буду следить за ней. Счастливый путь! 1962». Туманишвили действительно приходил на мои спектакли. У меня сохранилось несколько программ, им подписанных. На одной – это была программа спектакля «Дуэль» М. Байджиева – Михаил Иванович написал: «Теперь вы стали настоящей артисткой. Молодец!»... Мне это до сих пор приятно».

Когда Михаила Туманишвили спросили, что именно его привлекло в молодой актрисе, когда он пригласил ее на роль Кэтрин, он ответил: «Несомненная одаренность, усидчивость и готовность работать бесконечно».

«Вид с моста» – пьеса о незаконных эмигрантах, приехавших из Италии, – рассказывает Елена Александровна. – Выкрутасов в спектакле, которые можно было назвать новаторством, особых не было, но Туманишвили всегда предлагал что-то интересное. Например, упрощен-

ная, условная планировка на сцене – все разыгрывалось в одной обстановке. Звучала музыка Джорджа Гершвина, в спектакле были заняты очень интересные актеры. Сейчас уже никого из них не осталось в живых... Этери Гугушвили писала: «Для Нелли Килосанидзе это был дебют, и дебют, скажем прямо, блистательный». Но я этого не осознавала».

В одной из газетных публикаций была описана атмосфера генеральной репетиции спектакля «Вид с

Подарок Михаила Туманишвили

**Кадр из фильма
«Быль, рассказанная кистью».
С Тенгизом Килосанидзе**

моста»: «Темный зрительный зал, с рядами кресел, задернутыми холщевыми чехлами, кажется незнакомым и неудобным. Непривычна и суэта на сцене перед открытым занавесом. Сейчас там хозяйничают люди в синих спецовках. Это – рабочие сцены, невидимые зрителю участники спектакля. То и дело ослепительно вспыхивают софиты, загораются огни рампы. Чей-то голос настойчиво требует: «Больше желтого... Дайте ярче, еще. Вот теперь хорошо, запишите!». Художник спектакля Евгения Донцова еще раз критически оглядывает декорации: на фоне небоскребов – Бруклинский мост, как бы молча взирающий на распластавшиеся под ним трущобы, где в темных и убогих комнатухах ютятся семьи докеров – итальянских эмигрантов. Мост – молчаливый свидетель людских страстей и страданий, страшной драмы, которая там происходит.

Окончены последние приготовления, и репетиция началась. По сути, это генеральная репетиция. Прогон. Артисты играют на сцене в костюмах и гриме. Однако сидящий в темном зрительном зале и невидимый актерам Михаил Иванович время от времени хлопает в ладоши: «Стоп, стоп!» Вносятся коррективы в светооформление. Не все ладно с музыкой.

– Начинаем эту сцену сначала! – распоряжается режиссер. Порой он делает замечания, не прерывая хода спектакля. Игра актеров, свет, музыка – все должно быть в полном соответствии, гармонично слиться в едином общем замысле постановщика».

Автор материала анализирует и суть творческих взаимоотношений актрисы и режиссера, обусловивших ее успех: «На первых же репетициях Нелли почувствовала разницу между «знаю» и «умею». Но было еще больше «хочу». Режиссеру приходилось нелегко: он был для Нелли и преподавателем. Он не стремился передать ей знание каких-то истин, но учил искусству перевоплощения. Не хочется упрощать и сводить заслуги самой Нелли к тому, что она говорит о своей героине Кэтрин: «Я ничего сама не сделала, я только безгранично верила режиссеру, – это все он». Это не излишняя скромность – Нелли искренне убеждена, что ее Кэтрин всецело принадлежит Михаилу Ивановичу. Так ли? Разве мало верно, глубоко понять замысел режиссера и создать сценический образ с необычайной эмоцио-

нальной нагрузкой; не допустить ни одной фальшивой ноты, ни одного «театрального» жеста, с самого же первого появления на сцене заставить зрителя поверить в удивительно живую и обаятельную итальянскую девушку Кэтрин? Каждый, кто видел спектакль дебютантки, был по крайней мере приятно удивлен, глядя на ту, чье имя впервые появилось на театральной афише. Это был бесспорный успех дебютантки.

Благо, существует рецензия на спектакль театроведа Этери Гугушвили «В спорах и разногласиях», в какой-то мере позволяющая представить постановку мастера. Рецензент вступает с Михаилом Туманишвили в творческий спор, не вполне принимая его трактовку пьесы.

«Выдвигая на первый план тему звериного, патологического начала в человеке, режиссер М. Туманишвили, а вместе с ним и актер А. Тарский, – исполнитель роли Эдди, стараются подчеркнуть в образе этого героя эротическую сторону, несколько пренебрегая его эгоистической сущностью, в то время как именно проблема эгоизма и рожденная как результат этого эгоизма собственническая философия человека должны были прежде всего определять смысл поведения героя», – полемизирует Э. Гугушвили с режиссером-постановщиком на страницах «Вечернего Тбилиси». И все-таки признает, что все споры заканчиваются там, где «режиссер М. Туманишвили предстает в самом сильном своем качестве – в утверждении художественного образа

спектакля, в создании сценической атмосферы, в определении органической жизни актера на сцене, в отыскании места художника, музыки и всех остальных компонентов спектакля.

«Вид с моста» можно было бы назвать спектаклем спокойным с точки зрения режиссуры. Спокойным не в смысле отсутствия в нем внутреннего нерва, темперамента и ритма. Не в смысле пассивной инертности его создателей. «Спокойствие» спектакля М. Туманишвили определяется, прежде всего, компактностью всех его компонентов. В работе режиссера нет ничего нарочито эффектного, вычурного, того, что могло бы стать столь соблазнительным для постановщика пьесы с убийствами, страстями и предательством. Напротив, сложным психологическим нюансам пьесы режиссер постарался отыскать весьма простое, а потому ставшее необычайно жизненным, сценическое выражение. Нам запомнились тонкие, ажурно сплетенные режиссером сцены – диалоги Эдди, Беатрис и Кэтрин в начале спектакля, сцены объяснения Эдди и Кэтрин, тонкие, поэтические любовные диалоги Родольфо и Кэтрин. Нам запомнились продуманные и интересные мизансцены, и хорошо подобранная к спектаклю музыка Гершвина (музыкальное оформление Л. Кишмишева), и удачное изобразительное решение. В оформлении художника Е. Донцовой ощущается и легкость конструкции, создающая удобную планировку действия, и в то же вре-

мя масштабность замысла», – пишет Этери Гугушвили.

По мнению рецензента, в каждом сценическом образе, во всем оформлении спектакля чувствовалась большая работа режиссера. Творческое видение пьесы позволило ему опустить в ней ненужные детали, изменить некоторые мизансцены, и от этого спектакль только выиграл. Вкус, такт постановщика сделали выпуклее содержание трагедии.

Автор отклика на премьеру отмечает блистательный дебют будущей народной артистки Грузии Нелли Килосанидзе. «Родилась актриса, – констатирует Э. Гугушвили. – Актриса со своей определенной темой, актриса пытливая и думающая, обладающая сценической непосредственностью и какой-то великолепной внутренней озаренностью».

Сохранилась программка спектакля с надписью: «Поздравляем талантливую Нелли Килосанидзе зрители, восхищенные ее игрой!»

В очередь с Нелли Кэтрин играла актриса Рита Шастик. В итоге получились две разные героини: «Если в Кэтрин – Килосанидзе при всей ее решительности и смелой уверенности есть какая-то неразгаданность, то Кэтрин – Шастик более определенна и конкретна. Ее Кэтрин как бы разностороннее и опытнее, она словно больше видела, больше познала в жизни».

«Повезло в спектакле образу Кэтрин. Ее исполняет Нелли Килосанидзе – дипломантка Грузинского театрального института имени

Ш. Руставели. Обаяние молодости, сценические способности начинающей актрисы, направленные умелой рукой режиссера, вдохнули жизнь в героиню пьесы», – отмечает другой рецензент.

«Очень нежно и тепло со сцены была рассказана режиссером и актрисой история любви. Именно поэтому Кэтрин оказалась так близка зрителям. Ни один человек не покинул театр равнодушным, потому что невозможно не наслаждаться соединением внешней привлекательности и правды, гармонией красоты и душевной чистоты, воздушностью и удивительной пластикой» (Н. Арвеладзе. «Первая радость»).

Можно попытаться взглянуть на юную Нелли, очаровавшую Михаила Туманишвили и публику, из дня сегодняшнего. И вместе с ними восхититься ее обаянием, трепетностью, точеной балетной фигуркой (которую, кстати, актриса сохранила по сей день). Но это – внешнее. А если добавить к этому интеллект, целеустремленность, светлый талант, наконец, то становится понятен ее стремительный и красивый взлет.

Далеко не все молодые актеры удастаиваются особого интереса театральных критиков и журналистов. О Нелли Килосанидзе стали много писать уже после первых же сыгранных ролей, отмечая не только ее актерский дар, но и увлеченность профессией, стремление к самосовершенствованию, трудолюбие. Ведь самый большой талант чахнет, если артист его не развивает, не работает над собой. Хотя за плечами

Нелли к тому времени и была замечательная школа, занятия с лучшими преподавателями театрального искусства, прочитанные пьесы драматургов всех времен и народов, исследования по театру, десятки просмотренных спектаклей. И это ее качество – постоянное расширение знаний, тщательная подготовка к роли, глубокое проникновение в замысел, изучение эпохи, отраженной в произведении, – сохранилось в актрисе на всю жизнь. В одном из поздних интервью Нелли Килосанидзе признавалась, что ей всегда был интереснее сам процесс работы, процесс рождения роли и спектакля, чем даже сам спектакль. Как тут не вспомнить слова Туманишвили о готовности начинающей актрисы работать бесконечно?

Нелли иногда сравнивают с Одри Хепберн, имея в виду, прежде всего, внешнее сходство: изящество, аристократизм, элегантность, стиль. Обе предстали в образе принцессы. Одри – в фильме «Римские каникулы», Нелли – в спектакле «Обыкновенное чудо». Но сходство этим не ограничивается, если вспомнить такие свойства личности голливудской звезды, как живой ум, необыкновенная работоспособность, самообладание, оптимизм. Наделена этими качествами и Нелли Килосанидзе, что помогло ей не только преодолеть трудности, которые встречались на жизненном пути (а жизнь актрисы была действительно очень не простой), но и добиться значительных высот в профессии.

Через год после премьеры «Вид

с моста» Нелли окончила вуз и должна была выбирать, в какой театр поступить, – имени Руставели или имени Грибоедова. Она выбрала второе и на несколько десятилетий связала с Грибоедовским свою судьбу.

ПРИНЦЕССА

Яркое начало Нелли Килосанидзе совпало с исторической эпохой оттепели, когда подули ветры перемен, когда происходило всестороннее обновление общества, в том числе – театра. Возникли новые тенденции, темы, имена. Родились «Современник» и театр на Таганке. Георгий Товстоногов возглавил БДТ.

Обновление переживал и Грибоедовский. В репертуаре появились новые авторы и названия. Плодотворным для актрисы оказался 1963 год – она сыграла несколько интересных ролей в пьесах современных драматургов. А однажды вышла на грибоедовскую сцену в образе сказочной Принцессы Евгения Шварца – и вновь влюбила в себя публику.

Актриса вспоминает: «Сыграв роль Кэтрин, я сразу стала репетировать новую роль. Из театрального института пришла молодая режиссер Нана Деметрашвили, ученица Михаила Туманишвили, защищавшая у него режиссерский диплом. И она поставила «Обыкновенное

«Обыкновенное чудо». Принцесса

чудо» Шварца, в котором я сыграла Принцессу. Миша меня опекал, пришел на две репетиции. Посмотрел, что-то подсказал, сразу характерность какую-то дал. Я уже его с полуслова понимала, и какие-то сценки у меня получились интересные, а другие были никакими. Но в целом это было красиво. Гиге Лордкипанидзе моя работа очень понравилась, и он позднее говорил, что вот с этой роли Принцессы он меня и узнал, и запомнил. Но, на мой взгляд, работа моя в этом спектакле была неровной».

Роль Принцессы рождалась не просто, тем более, что и режиссером спектакля была совсем еще неопытная Нана Деметрашвили. Следуя своему правилу, Нелли

очень внимательно отнеслась к подготовительному периоду работы над ролью: перечитала всего Шварца; восстановила в памяти блестящий спектакль театра «Современник» «Голый король» с Евгением Евстигнеевым, Игорем Квашой и Ниной Дорошиной; размышляла и делилась своими мыслями с коллегами и друзьями. Пьесы Шварца в эти годы вообще пользовались большой популярностью в стране.

«Принцесса – какой она должна быть? Автор говорит, что она лишена всех бытовых черт. Отец ее – что она совсем не похожа на королевскую дочь: за стеной брат убивает брата, министры доносят друг на друга, идет повседневная дворцовая жизнь, и она ничего этого не

видит. Так, стало быть, Принцесса совсем-совсем «голубая» по контрасту с окружающей средой, и это подчеркивает всю мерзость и гнусь королевского двора? У автора по всей пьесе рассыпаны детали, которые отрицают оранжерейную голубизну Принцессы. Нелли вначале почувствовала их, а потом, вчитавшись, убедилась: противоречия нет! Другое дело, что по натуре героиня Шварца добрый и чистый человек. Нелли хотела быть естественной и принесла в «Обыкновенное чудо»... походку Кэтрин из спектакля «Вид с моста». Потом увидела ошибку: Принцесса должна ходить немного манерно, чуть позировать – пока не наденет по ходу действия мужской наряд. Нелли искала, долго искала. Но мы ничуть не сомневаемся: поиски только начинаются. Все говорит о том, что молодая актриса – человек ищущий и упорный», – читаем в публикации В. Кюркчяна. По словам самой Нелли, она стремилась отойти от сказочного, отвлеченного образа своей Принцессы и сделать ее более земной, реальной девушкой. При этом пластический рисунок роли помогла ей создать хорошая хореографическая школа.

Роль Принцессы стала для Нелли «обыкновенным чудом», приоткрывшим для многих ее актерскую индивидуальность – лишь «приоткрывшим», потому что главные открытия были еще впереди. Вслед за ролью Ее королевского высочества, предполагавшей некое «сказочное» отстранение, актриса сыграла свою современницу Веру – в новой пьесе

популярнейшего в ту пору драматурга Виктора Розова «Перед ужином». По признанию самой Нелли Килосанидзе, Алексей Арбузов, встреча с которым актрисе еще только предстояла, ближе ей, чем Розов. «На мой взгляд, Розов более бытовой, а Арбузов «парит над землей», – говорит Елена Александровна.

Вот что написала о ее Верочке театральная критика: «Нелли Килосанидзе мягка, лирична. Ее задумчивые большие глаза смотрят вопрошающе, чуть испуганно, но за этим скрывается воля, ум, подлинная бескомпромиссность, свойственная цельным, чистым натурам» (Н. Шалуташвили. «На сцене – современники». «Заря Востока», 2 ноября 1963 г.). Другой рецензент, напротив, увидел в персонаже Килосанидзе «незащищенность от обид», тоненькую, стройную, обаятельную молодую женщину, «растерявшуюся при первой неудаче» (Э. Гугушвили. «С думой о героях. О спектакле «Перед ужином» в театре им. А.С. Грибоедова». «Вечерний Тбилиси», 21 октября 1963 г.).

Нелли же стремилась показать на сцене отнюдь не растерявшуюся женщину, не беспомощное, сломленное обстоятельствами существо (разрушилась семья Веры), а человека, наделенного силой воли, ясным сознанием и способностью к сопротивлению.

Факт, заслуживающий особого упоминания: среди лирических героинь Килосанидзе этого периода неожиданно оказалась роль отнюдь не лирическая – в спектакле Серго

Челидзе «Во дворе злая собака» К. Буачидзе, где партнером актрисы впервые стал великолепный Арчил Гомиашвили. «Зрителю особенно запоминается Нелли Килосанидзе в выпукло очерченной эпизодической роли дворничихи – это положительный персонаж, наделенный подлинным «живым дыханием» (Ю. Бидерман. «Жанр, пьеса, спектакль»). Пожалуй, именно тогда впервые раскрылось комедийное дарование молодой актрисы, с блеском представившей колоритную фигуру язычистой Сарэ.

«МОЯ СТАРШАЯ СЕСТРА»

Через год судьба подарила Елене Килосанидзе встречу с еще одним замечательным драматургом – Александром Володиным. В спектакле Нелли Эшба «Моя старшая сестра». Критика отметила рост профессионального мастерства актрисы.

«Елена Килосанидзе не просто непосредственна и правдива (эти качества отличали ее и прежде), – в ее исполнении есть и нечто такое, что позволяет зрителю почувствовать всю сложность характера Лиды, движения ее души, словом, то, что на языке театра называется «вторым» планом роли. Более того,

«Моя старшая сестра». Лидя

Лиде – Килосанидзе дано быть в спектакле грибоедовцев средоточием драматических коллизий и как бы вбирать в себя неоднозначность конфликта. Так задумано режиссером, которая, идя все время по пути утверждения правды жизни, ни на минуту не отказывалась от поиска театральности, театральной образности, внешней формы спектакля. И в этих поисках формы выбор Нелли Эшба пал на Лиду – Килосанидзе. Режиссер ведет свое повествование как бы от лица младшей сестры.

Ее глазами раскрываются перед зрителем происходящие в спектакле события. И выражено это в том оригинальном постановочном обрамлении, в тех нескольких отступлениях от линии основного действия, которые поданы как воспоминания Лиды, ее исповедь. И может быть, это режиссерское решение ничего не меняет в ходе событий, – оно тем не менее вполне полномерно, ибо определяет точку зрения режиссера и вносит в спектакль какую-то своеобразную дымку задумчивой грусти, так удачно гармонирующую с общим тоном драматургии Александра Володина» (Э. Гугушвили).

В тот же период Нелли выступила в роли рабыни Мели в спектакле «Лиса и виноград» Г. Фигейредо, а также создала образ чистой, трудолюбивой и высокодуховной женщины Эсмы в инсценировке романа Георгия Церетели «Первый шаг». Режиссер спектакля Котэ Сурмава вместе с актрисой углубили литературный образ, что и отметила пресса: «Очарованием поэзии грузинского эпоса овевая образ Эсмы в спектакле по пьесе классика грузинской драматургии Церетели «Первый шаг».

КОТЭ СУРМАВА. ГЕЛЕНА

«С режиссером Котэ Сурмава у нас сложились очень хорошие отношения, – вспоминает актриса. – Я тогда не вдавалась в режиссуру, но понимала, что он хотел от меня. Все было с юмором, очень лирично. Он сам был человек нежно-лиричный

«Варшавская мелодия».
С Арчилом Гомиашвили

по жизни, немного даже сентиментальный, трогательный, и умел эти трогательные, полукомедийные-полулирические сценки делать и образы создавать. Я с большим удовольствием работала с этим режиссером. Вспоминаю один из моих любимейших спектаклей «Варшавская мелодия» по очень популярной в те годы пьесе Леонида Зорина. Потом мы сделали с Котиком «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова. Но «Варшавская мелодия» – это настоящий взлет! Поначалу моим замечательным партнером был Арчил Гомиашвили. Потом он уехал в Москву, причем звал с собой и меня. Он хотел в столице создать передвижной театр на двоих. У нас уже набрались пьесы, которые мы могли играть вдвоем. Но в это время Арчила пригласили сниматься в картину

«Варшавская мелодия»

Леонида Гайдая «Двенадцать стульев», поэтому наш дуэт распался. Жаль, у нас были творчески очень хорошие отношения. Правда, пока шли репетиции, мы слегка конфликтовали. Но это было несерьезно. Просто в то время я была еще совсем юной. Тогда, в 1965 году, как раз разрушилось наше старое театральное здание, и мы работали в каких-то помещениях. Так, просмотр спектакля «Варшавская мелодия» состоялся на сцене театра музыкальной комедии, куда пришел третий секретарь ЦК, интересный человек, и говорил о моей работе очень хорошие, лестные слова. А Арчил, конечно, злился. Но это пьеса так выписана – на героиню, Гелену. Кто бы ни играл Виктора, роль Гелены доминировала. Так что комплименты в свой адрес я не воспринимаю. Почти все актрисы хорошо играли эту роль – чуть лучше, чуть хуже.

Забегая вперед, хочу вспомнить один эпизод. Долгое время я была художественным руководителем единственной в Москве государственной театральной детской школы, преподавала старшим группам, ставила с ними спектакли. К нам на премьеры приходил актер Стас Кабешев, игравший ранее в театре имени Грибоедова, часто бывал Заур Квицинадзе. На спектакль «Поллианна» по роману Э. Портер пришли бывшие грибоедовцы, актеры Лариса Некипелова и Ефим Байковский. По окончании Ефим Исаакович очень хвалил молодых исполнителей, а потом и мне на весь зал сделал комплимент: «На мой

После спектакля «Сказки старого Арбата». Третий справа – драматург А. Арбузов

взгляд, Нелли Александровна была лучшей исполнительницей героини из «Варшавской мелодии». Это прозвучало неожиданно. Но роль Гелены мне действительно далась легко, и это заслуга Котэ Сурмава. Он понимал мой характер, а я – то, что он хочет. Правда, иногда бывало и по-другому. Я спрашиваю: «А какая у меня тут задача?» – «Вот этого-то я и не знаю!» И мы оба смеялись, потому что задача тут сама по себе и проявлялась».

Прекрасный дуэт Нелли Килосанидзе и Арчила Гомиашвили в спектакле «Варшавская мелодия» запомнился и полюбили зрители. Польша Гелена – любимая героиня актрисы. Достаточно сказать, что она назвала этим именем свою дочь. «Очаровательная, доброжелательная, рожденная для любви и улыбки, польская женщина Геля... Как мы ожидали появления на сцене Гели – Нелли Килосанидзе. Боялись,

чтобы она не оказалась похожей на нашу мемуарную героиню Юлии Борисовой. Но Нелли нашла свой почерк, своеобразный акцент, особенную улыбку и неповторимое женское очарование», – пишет Кира Кведдзе в интервью, которое взяла у актрисы накануне ее юбилея.

В другой газетной публикации того же периода уже получившая актерский опыт Елена Килосанидзе определила свое кредо, сверхзадачу творчества: «Мое постоянное стремление – в любой роли быть естественной и предельно откровенной. Я очень не люблю всякие наигрыши и ложные эффекты. Конечно, стремлюсь накапливать мастерство. Думаю, что этот процесс продолжается у актера всю жизнь. Своей главной темой в искусстве считаю веру в добро. Хочу показать, что у человека в любой ситуации должна быть надежда, что даже несостоявшаяся человеческая жизнь таит в себе воз-

возможности для добра, нравственного удовлетворения, что всегда следует бороться за счастье, за будущее. К этому я стремлюсь в своей последней работе – «Дуэль» М. Байджиева режиссера К. Сурмава, к этому я стремлюсь и в своей новой роли немецкой девушки в спектакле «Соловьиная ночь» В. Ежова о первых днях победы над Германией, который ставит главный режиссер нашего театра Серго Челидзе (С. Маринашвили. «Если любишь театр»).

«ПРО ЛЮБОВЬ» С МЕДЕЕЙ КУЧУХИДЗЕ

«Я очень любила спектакль «Сто четыре страницы про любовь». Его поставила Медея Кучухидзе – тоже замечательный режиссер. К сожалению, были и такие, кого я не очень понимала в работе. А вот с Медеей у нас возник полный унисон. Очень с ней было интересно! «Сто четыре страницы про любовь» – один из первых спектаклей в Тбилиси Бориса Казинца. Он исполнял роль моего партнера – Электрона. Очень хорошо играли Джемал Сихарулидзе и Лариса Крылова. Спектакль был поставлен красиво: использовался ультрафиолетовый свет, так что в ночных сценах мы все словно светились. Звукорежиссер Рафик Гевенян

подобрал прекрасную музыку. Есть постановки, в которых выходишь на сцену и не хочешь уходить. Таких немного – когда удовлетворяло все, когда мне на сцене было хорошо и комфортно. Среди них и спектакль «Сто четыре страницы про любовь» по пьесе молодого тогда драматурга Эдварда Радзинского. Как пишет пресса, спектакль Грибоедовского театра получился эмоциональный, в нем была раскрыта правда чувств и переживаний, зритель во время действия становился активным участником событий, болельщиком и судьей происходящего на сценической площадке. «В этом и заключается пафос спектакля, его подлинная сущность. Всем ходом действия, развитием характеров и судеб героев он с большим тактом подводит к мысли о необходимости воспитания чувств, бережного и требовательного отношения друг к другу, ответственности за любимого человека», – отмечала критика.

Об исполнительнице главной роли Елене Килосанидзе писали: «Наташа еще не нашла своей колеи в жизни, не решила еще, кем быть, и работает пока стюардессой на отечественных авиалиниях и зарубежных спецрейсах. Девушка полюбила Евдокимова и страстно желает, чтобы им можно было гордиться, чтобы он был благородным и стоящим человеком. Наташа сердечна и отзывчива, готова сделать больше для других, чем для себя. Вся она милая, добрая, но есть в ней гордая сила, женское достоинство. Веришь – сила эта поможет ей выстоять в

«Сто четыре страницы про любовь». С Борисом Казинцом

трудных обстоятельствах, веришь – убедись Наташа в том, что она для Евдокимова просто забава – уйдет, совсем уйдет. Она жаждет доверия, понимания, уважения. Такой задумал ее автор, такой предстает Наташа в исполнении Нелли Килосанидзе. Ей веришь, ее любишь, она трогательна и достоверна. «Счастливая-несчастливая» – так характеризует свое состояние Наташа. Именно такая она, мятущаяся между захлестывающими ее радостью и болью. Трогательны, задушевные ее утешительные слова, обращенные к Феликсу... Людям надо верить, ведь им так необходимо тепло участия – вот о чем говорит нам образ Наташи. Килосанидзе рисует образ своей героини лирично, мягко, акварель-

ными красками».

Журнал «Театр»: «Перед нами молодая, трепетная, сложная жизнь, и воплотилась она в молодой исполнительнице главной роли – Нелли Килосанидзе. Снисходительному, скептическому отношению к людям, их чувствам, отсутствию душевной деликатности (образ Э. Евдокимова) режиссер противопоставил сильного противника. Именно сильного! Сильного правдой чувств, сердечной щедростью, неистощимостью духовных сил. Но нигде не демонстрирующего своей силы, не говорящего красивых слов. Наташа – Килосанидзе женственна и сильна. У этой «девочки» свой, где-то «донкихотский», человеческий критерий. Боль от неверного шага не озлобила

ее. Горечь разочарования подточила ее уважение к себе, но не затронула, не осквернила самой сущности ее натуры, натуры щедрой, самоотверженной, в любую секунду она готова помочь, поддержать. В каждом движении Наташи – Килосанидзе, даже в голосе, с едва заметной трещинкой, чудятся невысказанные вслух мысли, нюансы борьбы веры и разочарования. Видя Килосанидзе – сильную, трепетную, тревожную – веришь, что эта женственность вкупе с характером победит трезвость «повелителя атома».

«Наташа – самая сложная из моих работ, я была очень рада получить эту роль. И в то же время обеспокоена. Бесконечное раздумье, волнение, сомнения сопутствовали репетициям. Было трудно, но интересно. Захватывает эта роль. Наташа – очень богатая натура, и, воплощая ее на сцене, моя задача – ничем не обделит так сильно полюбившуюся мне героиню», – говорила актриса после премьеры. Нелли Килосанидзе больше всего привлекает в Наташе ее стремление к чистоте в отношениях, в поступках. «Она верит в то, что большие, настоящие чувства существуют. Мимо них нельзя проходить. Это уже наше общее мнение, мое и Наташи».

Спектакль удался. Прошло 55 лет лет, но Нелли по сей день бережно хранит программку с надписью, сделанной рукой Медеи Кучухидзе: «Благодарю за очень приятную работу. За чуткость, за человечность. Всегда с радостью буду вспоминать все наши страницы. Желаю расти и впредь. М. Кучухидзе. 28 мая 1965 года».

ХРУПКОСТЬ И СИЛА, ДРАМА И КОМЕДИЯ

При всей хрупкости, лиричности героинь Нелли Килосанидзе они обладают крепким внутренним стержнем. Это часто отмечали критики, об этом говорила и сама актриса – например, в связи с ролью Асель в спектакле «Тополек мой в красной косынке»: «Это образ кристальной чистоты и вместе с тем непоколебимого мужества. Борюсь против фальши национальных предрассудков, условностей во взаимоотно-

«Тополек мой в красной косынке».
Асель

«Перед ужином». С Юрием Шевчуком

шениях в семье, противоречащих самой природе любви, моя героиня всем своим существом утверждает новые, глубоко человеческие принципы семьи».

«Полон героического романтизма образ гордой, сильной Асель из спектакля «Тополек мой в красной косынке» по повести Ч. Айтматова» (О. Федонюк. «Право на счастье»).

Позднее, в 1970 году, Нелли, на первый взгляд, хрупкой и лиричной, была доверена роль помощника прокурора в спектакле «Дело о мосте» А. Чхеидзе. Ее Марика Чодришвили – принципиальный, волевой человек, и она вступает в противостояние с целой коррупционной системой за торжество справедливости. «Актриса никогда не поучает. Она говорит со зрителями просто, естественно, вкладывая в каждый характер страсть художника и убежденность гражданина. Поэтому-то образы, созданные ею на сцене, тревожат умы и души зрителей, по-

могают им яснее увидеть и оценить то, что нередко лежит за привычной повседневностью жизненных явлений» (О. Федонюк. «Право на счастье»), – писала пресса во время гастролей театра Грибоедова в Сочи, где и состоялась премьера спектакля «Дело о мосте». Подчеркивалось, что образ, созданный Нелли Килосанидзе, наполнен большим гражданским мужеством.

И снова возвращение к прежней теме: нежная, «голубая» героиня из арбузовских «Сказок старого Арбата» в постановке Котэ Сурмава: «Женственна и обаятельна Виктоша – Е. Килосанидзе. Актриса с большим тактом играет сцены с Балясниковым, показывает душевную щедрость, стремление к неожиданному, необычному, что и покоряет ее героиню в мире, окружающем Балясникова. Виктоша в ее исполнении заражает своей молодостью,

«В этом милом старом доме». Нина

«Во дворе злая собака». Сарра

восторженностью, беспечностью и поэтическим миром чувств» (Н. Шалуташвили. «В поэтическом мире». «Вечерний Тбилиси», 17 декабря 1970 г.).

Буквально через пару лет – новая встреча актрисы с любимым драматургом. На этот раз в спектакле Гиги Лордкипанидзе «В этом милом старом доме».

Но какие разные характеры создает актриса в этих постановках! Об этом пишет журналист Ю. Бидерман в своей публикации «Театр ставит Арбузова»: «Виктоша Е. Килосанидзе очень трогательна, очень задорна и очень поэтична. И вдруг – Нина Бегак! Образ во втором арбузовском спектакле театра даже эксцентрический, где актриса стремится спря-

тать обаяние своей героини, ибо автор строит пьесу на контрастах. Виктоше – двадцать, Нине – тридцать, и борьба за личное счастье обретает особый оттенок. Но главное – Е. Килосанидзе очень точно разложила по полочкам психологию арбузовских образов».

«Меня считали лирической актрисой, с легким комедийным уклоном, – говорит актриса. – Помню постановки по пьесам А. Арбузова – «Сказки старого Арбата» и «В этом милом старом доме». В спектакле «В этом милом старом доме» у меня была абсолютно характерная, очень смешная роль. Мой первый выход: я высказывала на сцену с чемоданом и сразу падала плашмя на пол. Так со мной знакомился зритель, и вся роль была построена на юморе».

ТРАГЕДИЯ «БЕСПРИДАННИЦЫ»

«Актриса активно борется за право своих героинь быть понятыми. Взыывает к справедливости. Утверждает право молодой женщины на счастье, на свое место в жизни. Ее героини всегда живые, незаурядные натуры», – отмечает сочинский журналист О. Федонюк. Именно такой образ создала Елена Александровна в спектакле «Бесприданница» А. Островского.

В 1972 году сбылась мечта Нелли Килосанидзе: она сыграла Ларису Огудалову в дипломном спектакле выпускника Московского театрального училища имени Щукина Геннадия Портера.

«Мы стремились решить «Бесприданницу» не как бытовую драму, а придать спектаклю трагическое звучание. Это заявлено уже в самом начале – музыкой «Манфреда» Чайковского, сценой у обрыва. Моя Лариса – героиня не только потому, что в центре пьесы ее судьба, – она стоит выше других. Она верит, что брак с Карандышевым – спасение от пошлости, меркантильности окружающего. Однако живет она по-настоящему, дышит полной грудью только тогда, когда находится рядом с Паратовым. Поэтому Лариса без колебаний принимает его предложение ехать на Волгу. Последующая сцена – это конец Ларисы, гибель всех ее надежд. Но я не стремилась вызвать жалость к своей героине. Трагедия не унижает, а поднимает ее. Выстрел Карандышева она принимает с искренней благодарностью. Я считаю, что только в последней картине я в наибольшей степени приблизилась к замыслу режиссера...», – поделилась актриса своими размышлениями сразу после премьеры.

Трагическое в жизни и на сцене часто соседствует с комическим. Волемир Янович Грузец, заслуженный артист Грузии, сыгравший Карандышева, вспоминает о премьерных спектаклях «Бесприданницы»: «Сезон 1972-73 гг. Премьера «Беспри-

данницы» А. Островского. Суббота. Аншлаг. Поднимается занавес. Красота. Перспектива Волги. Спиной к зрителям – Огудалова Лариса Дмитриевна. В этой роли Елена (Нелли) Килосанидзе, заслуженная артистка Грузинской ССР, ныне народная артистка Грузии. Вбегает Карандышев (Волемир Грузец): «Лариса Дмитриевна! Я люблю вас!» Она: «Кого любить... Только не Вас... Позовите Кнурова, Вожеватова...» – «Ах, так! (вынимаю пистолет) Не доставайся же ты никому!» (стреляю... выстрела

«Бесприданница». Лариса

«Бесприданница»

нет!.. помреж за кулисами пытается из стартового пистолета произвести выстрел – напрасно – звука нет!) (я в смятении: что делать?) (подбегаю к Ларисе и театрально «бью» ее по голове не один раз, а актриса все восторгается Волгой!) (зал оживает). Я ей шепчу: «Лариса! Падай! Ты уже давно на приеме у Бога!» Спектакль закончился весело! Оказалось, что у помощника режиссера отсырели патроны. Воскресенье. Второй день премьеры. Опять аншлаг. Все с нетерпением ждут финала спектакля. И ожидания оправдываются! Вновь нет выстрела! И тут я позволяю себе поменять мизансцену! Подбежав к Ларисе, я разворачиваю ее на себя,

увлекаяю на пол и, схватив за шею, начинаю душить! (Отелло!!!) Актриса злобно шепчет мне: «Дурак! У меня в конце монолог!..» Тем временем за кулисами шло настоящее соревнование: кто лучше и достовернее изобразит выстрел! И хоть бы кто-нибудь из них бросил взгляд на сцену, где Карандышев душит Огудалову! Вбегают Паратов, Кнуров, Вожеватов: «Что здесь происходит?» Им отвечает задуманная Лариса Дмитриевна: «Это я сама... Никто не виноват... Вы должны жить... Я должна умереть...» Зал повеселился на славу. Два месяца Лена Килосанидзе отказывалась замечать Волемира Грузца. Потом патроны высушили, и стало... скучно».

ГИГА ЛОРДКИПАНИДЗЕ. «ИВАНОВ»

«С Гигой Лордкипанидзе я с удовольствием работала над чеховским «Ивановым». Играла прекрасную роль – Сарры. Сарра не была мне близка, но я понимала, что с ней происходит. Гига, умный и талантливый человек, четко умел все объяснить. Он и объяснял все по ходу, и никаких возражений это не вызывало. Моим партнером был Ефим Байковский – Иванов. Гига

очень точно видел спектакль. Он не разбирал с нами, о чем пьеса, какая в той или иной сцене стоит задача – ничего подобного! Он видел актера и знал, куда его поведет. Командовал прямо из зала: то сделай, так повернись, здесь у тебя такое состояние, а там – другое. Гига так подсказывал. Использовал данные конкретного актера, исходил из его индивидуальности и направлял исполнителя в нужную для себя струю. Очень тонко. Спектакль «Иванов» был уже

«Иванов». Сарра

почти готов. И там есть такой проход: я должна была прибежать вся в истерике в тот дом, где Иванов встречается с Сашей. В этот момент кто-то заговорил со мной за кулисами, и я прослушала свою реплику. Мне сказали: «Твой, твой выход!» Обычно в этом эпизоде я очень робко выходила на сцену, останавливалась, была спокойно-сдержанной – Сарра ведь была сдержанной женщиной. А тут я буквально вылетела на сцену, и Гига закричал: «Что ты как дохлая курица!» Я в ответ: «Не кричите!» – Он: «Я кричу только на тех, кого люблю!»

В итоге получился замечательный спектакль, сыгранный грибоедовцами с глубоким проникновением в суть тех конфликтов, которые и составляют смысл и основу пьесы». Автор рецензии на спектакль Важа Брегадзе отмечает, что Еленой Килосанидзе создан «светлый, полный обаяния образ Сарры, женщины, горячо и искренне любящей Иванова».

«Запоминается в спектакле Сарра в великолепном исполнении Е. Килосанидзе. Актриса нашла верную нюансировку каждого движения души, эмоционального настроения, создавая трогательный, поэтический образ женщины, страдающей скорее от холодности мужа, чем от неизлечимой чахотки» (В. Сорокин. «Чехов у грибоедовцев»).

Новая встреча с драматургией Чехова произошла у Нелли спустя двадцать лет, в 1992 году, когда художественный руководитель театра Гоги Кавтарадзе обратился к пьесе «Вишневый сад». Но об этом ниже.

«Закон вечности». С Борисом Казинцом

ГИЗО ЖОРДАНИЯ. НОДАР ДУМБАДЗЕ

«В 1981 году Гизо Жордания поставил со мной и с моим любимейшим партнером Борей Казинцом «Закон вечности» Н. Думбадзе, – вспоминает актриса. – Помню, как он предложил нам сделать такую сцену: наши герои во время прогулки разыгрывают уличное представление (по дворам действительно ходили мужчина с женщиной и разыгрывали уличные спектакли, а

потом собирали деньги). Это никак не вписалось в спектакль, но было смешно и интересно. Гизо хотел нас немного расшевелить, чтобы мы не играли ходячих героев. Во всяком случае, мы освободились. Но для меня важно другое: умение слушать партнера, понимать и отвечать – в своем характере, образе. А этюды мне никогда не помогали. Гоги Кавтарадзе ставил спектакли более современно, с какими-то театральными условностями, а Жордания – более фундаментально, с тщательно выстроенными мизансценами. Требовал от нас сразу хорошее знание текста. Даже когда он приходил не на свои спектакли, а на репетиции очередных режиссеров...»

В публикации, вышедшей в связи с кончиной автора романа «Закон вечности», актриса вспоминала: «С Нодаром Думбадзе я была знакома не только через его необычные, удивительно глубокие и человеческие произведения. Он приходил к нам в Грибоедовский театр, когда мы ставили спектакль по его произведению «Закон вечности». После репетиции он сказал, что наша инсценировка по духу очень близка его роману. За последние годы роль Марии стала для меня самой близкой и дорогой. Этот образ соединил в себе многое, что связано в моем представлении с образом женщины. Мария – это мать, возлюбленная. Она полна любви. Несмотря на тяжкие жизненные обстоятельства, эта женщина по-прежнему верит в честность, порядочность любимого человека. Поражаешься, откуда в этой женщине такая неиссякаемая вера в добро! Образ Марии, да и вообще духовный мир героев Думбадзе, всегда переключается с духовным миром самого писателя. Ведь он был человеком необычайно добрым, светлым».

Пресса отмечала, что актриса «прекрасно сыграла воскрешение любви своей Марии».

Нельзя не вспомнить еще одну героиню Нелли Килосанидзе из спектакля Гизо Жордания «Час пик» Е. Ставинского – Анну Боженицкую, на каждом спектакле очаровывающую зрителей своим лиризмом, тонкостью и простотой.

ЭДИТ ПИАФ, «ФРАНЦУЗСКИЙ ВОРОБЫШЕК»

Важнейшее место в творчестве Нелли Килосанидзе занимает «Эдит Пиаф» по пьесе В. Легентова. Она выпустила спектакль в 1973 году для Грузинской государственной филармонии, чтобы гастролировать с ним по городам и весям. Так и произошло... В «Эдит Пиаф» актриса пред-

«Эдит Пиаф».
С Элизбаром Кухалеишвили

«Эдит Пиаф». С Элизбаром Кухалеишвили

стала во всем блеске своего таланта и зрелого мастерства.

«Премьера «Эдит Пиаф» совпала с десятилетием со дня смерти французской певицы, – вспоминает актриса. – Все идеи, заложенные в спектакле, были моими. Но мне не хотелось и играть, и быть режиссером, чтобы никак не возвышаться над своими товарищами. Поэтому я пригласила Юрия Шевчука. Он был человеком талантливым, с хорошим вкусом. Шевчук тактично отбирал из того, что ему предлагали, необходимое для спектакля. Когда мы играли «Эдит Пиаф» в Доме актера, Гига Лордкипанидзе рыдал абсолютно детскими слезами, не мог успокоиться даже после спектакля и всех нас очень хвалил. В первый год мы

много ездили со спектаклем по Сибири. Выступали даже в Кургане, в Российском научном центре «Восстановительная травматология и ортопедия» Гавриила Абрамовича Илизарова. После спектакля в нашу честь устроили прием. Актерский состав нашего спектакля менялся, варьировался. Гастролировали те актеры, которые не были в этот период заняты в спектаклях и репетициях театра. Однажды играли на сцене Московского дома ученых, и туда пришел Виктор Легентов со своими друзьями. После спектакля он выразил нам свой восторг, а потом пригласил меня в ресторан Дома писателей. Работая над ролью, я удивлялась, как простая необразованная девчонка превратилась в великую

Эдит Пиаф. Ведь мать, дешевая певица, родила ее на улице, полицейский принимал у нее роды. Отец был уличным циркачом. Воспитывала Эдит бабка... Когда мир шансонье признал Эдит певицей, она стала много над собой работать и позднее сама писала тексты к песням, иногда сочиняла и музыку. К примеру, Пиаф – автор текста и музыки своей знаменитой песни «Жизнь в розовом цвете». С этим образом у меня не было никаких пересечений – совершенно другой характер, другая жизнь, другие взаимоотношения с людьми. Но ее отношение к творчеству меня покорило. Об этом был спектакль. Он пришелся ко времени. В Советском Союзе только стали популярными песни Эдит Пиаф и Шарля Азнавура, звучавшие по радио. Французский шансон привлек в те годы очень многих, и я не была исключением. Я внесла в спектакль лирическую интонацию. А как же иначе? Ведь она была женщина, которая много любила. И каждому человеку, с которым встречалась, давала дорогу в искусство. Это мы и играли. Первым, кто вывел Эдит Пиаф на публику, был владелец кабаре «Жернис» Луи Лепле. В спектакле была сцена, когда он, эту роль исполнял Джемал Сихарулидзе, накидывает на юную певицу перед выходом на сцену очень красивый шифоновый шарф, со словами: «Я дарю тебе этот шарф и желаю успеха!». И однажды шарф забыли... Наша помреж побежала за ним, и шарф с опозданием, перед самым началом песни, но все-таки был на-

кинут на мои плечи. Дело в том, что к концу песни шарф должен был упасть с плеч Эдит и обнажить ее голые руки, взлетевшие, как крылья птицы. Это был целый рисунок! Ведь когда певица цела, ее руки пели тоже – у Эдит Пиаф были поющие руки.

Однажды нас повезли в Запорожье – предстояло выступить во Дворце культуры. А там на афише, составленной руководством Дворца для привлечения публики, было написано: «Эдит Пиаф. Проездом из Франции через Копенгаген. Один день в Запорожье». Курьез был и в Ялте. Идем мы с актером Аликом Кухалеишвили по набережной и видим, как перед нашими афишами стоит какая-то солидная пара. Женщина читает, а потом комментирует: «А, это та, что в «Дружбе» поет!» А муж ей говорит: «Дура ты! Та Эдита Пьеха, а это мужчина, видишь – Эдит!»

Вот еще забавная история. В одном городе администратор спрашивает меня: «Где ваш оркестр? Инструменты?» – «Нет!» – отвечаю. «Вы поете?» – «Нет, играю, разговариваю!». – «Мы заказали люкс для Эдит Пиаф. Где она?». – «Она на Пер-Лашез – кладбище во Франции». – «Надо предупреждать. Я не заказала бы такого люкса».

А в Иркутске перед театром, где мы играли, стоял стенд, на котором от руки было написано: «Весь вечер на эстраде Эдит Пиаф и ее актеры!» Такой же текст был напечатан и в местной прессе. Помню, как мы в первый раз попали в Омск.

Участники спектакля «Эдит Пиаф» в клинике Гавриила Илизарова

Спектакль должен был состояться в Доме ученых, в зале на третьем этаже. Прибегает директор в волнении: «Что делать? Столько народу собралось!» Нас же, актеров из Тбилиси, здесь не знали. Шли только на Эдит Пиаф! Она ведь только-только входила в СССР в моду. Я тогда говорила: «Первый спектакль – идут на Пиаф. А если пойдут на следующие, то уже на нас!» На всех наших представлениях были полные залы. На подоконниках зала Дома ученых даже не сидели, а стояли – чтобы занимать меньше места. Стояли и за кулисами. И тут мне Алик – он очень смешливый был – говорит: «Ты посмотри наверх, только не упади!» И я вижу, что зрители на колосниках стоят и за что-то держатся! А когда мы уже

спускались с третьего этажа (после спектакля пришла директор, благодарил нас), то вдоль всей лестницы стояли зрители и аплодировали нам. Не нам – Эдит Пиаф! Но мы тоже хорошо играли. Все это было очень... душевно! Зрители принимали близко к сердцу то, что происходило на сцене. А позднее, в 1992 году, мы перенесли «Эдит Пиаф» на малую сцену театра Грибоедова – уже перед моим отъездом в Москву. И он стал репертуарным спектаклем».

Когда «Эдит Пиаф» впервые был показан тбилисской публике, критика не поскупилась на восторженные отзывы. «Сохранив обаяние и свежесть своего актерского дарования, за многие годы работы в театре Нелли Килосанидзе выросла в зрелого художника, способного решать сложнейшие творческие задачи. Ярким подтверждением тому явилась новая ее работа – роль Эдит Пиаф в спектакле, созданном по автобиографическим повестям знаменитой французской певицы и впервые показанном недавно на творческом вечере актрисы. Это пьеса – исповедь, полная неожиданных ситуаций, резких смен настроений. Произведение, согретое величием неповторимого таланта легендарной французской певицы с трагической судьбой. Роль Эдит необычайно сложна и интересна по форме, композиции. Она требует от исполнителя утонченности, полнейшей искренности и виртуозного умения пользоваться разнообразием актерских средств. Килосанидзе с честью преодолела все трудности,

связанные со сценическим воплощением сложного образа, представ перед нами актрисой думающей, глубоко эмоциональной. Почитатели ее таланта, заполнившие в этот вечер зал Дома актера, долго аплодировали актрисе» (Н. Лордкипанидзе. «Время творческой зрелости»).

Нелли Килосанидзе, впервые выступившая в роли Пиаф на своем творческом вечере в Доме актера имени А. Хорава, показала отрывки из нескольких спектаклей – в них раскрылись разные грани ее дарования: Килосанидзе – острохарактерную зрители увидели в отрывке из комедии «Во дворе злая собака» К. Буачидзе, лирико-драматическую – в эпизоде из «Варшавской мелодии» Л. Зорина. Новая работа, представленная на суд зрителя, – Эдит Пиаф, открыла для них совсем неожиданную Елену Килосанидзе.

«...Сцена освобождена от бытовых подробностей. Нелли Килосанидзе берет книгу мемуаров французской певицы и начинает спектакль – рассказ об Эдит Пиаф. Впрочем, термин «рассказ» мы употребляем не в его брехтовском понимании, предполагающем зрителя – прежде всего наблюдателя, а не сопереживателя. Нет, это страстный рассказ, спектакль-исповедь, спектакль-песня. Эдит Пиаф щедро растрчивала свою жизнь – она постоянно жила на пределе, и так же щедро, с огромным накалом, почти все время на пределе ведет роль Нелли Килосанидзе» (И. Химшиашвили. «Новая грань дарования»).

Не менее высоко оценили работу

актрисы на многочисленных гастролях.

В Киеве: «Тонко, с чувством, удачно оттеняя второй план, ведет основную сценическую линию Елена Килосанидзе, актриса большого темперамента, которой великолепно удаются и лирические сцены» (Ю. Довгаленко. «Интересный спектакль»).

В Сибири: «Надо отдать должное такту актрисы: Елена Килосанидзе не стремится непременно быть похожей на певицу. Только немного резковатый в минуту волнения голос или поза, в какой мы помним Эдит Пиаф по фотографиям, – и все это мягко, неназойливо. Ее Пиаф – это верность своему предназначению, неспособность жить экономно, расчетливо, размеренно. Она была похожа на Данко, эта маленькая актриса с большим сердцем. Огонь любви к людям, который ярко горит во всем творчестве певицы, пылает и в спектакле, сыгранном перед сибиряками артистами из Грузии» (С. Нагнибеда. «На сцене – Эдит Пиаф»).

«Эдит Пиаф у Елены Килосанидзе – прежде всего трагическая актриса, но еще и истинная французенка с темпераментной речью, изяществом, лукавством, легкостью, человек, для которого главное в жизни и искусстве – быть собой. Эдит Пиаф у Килосанидзе лишена мелодраматизма и надрыва, это сильная, жизнелюбивая личность. Смерть любимого толкает Пиаф к безнадежности. Актриса рисует душевное состояние Пиаф тонко, из-

«Час пик». С Валерием Харютченко

яжно, напоминая нам о шекспировской Офелии: замедленный, какой-то падающий темп музыки, отрешенный голос, недоуменно, растерянно поднятые руки, скорбные глаза... Кажется, вот-вот расплещет она свое бывшее мужество. Но нет, она вновь обрела себя в песнях («Мои песни – это я, моя плоть, моя кровь, моя голова, моя душа»). И свершается чудо. Как оно свершалось всякий раз, когда на сцену выходила Эдит Пиаф, когда хрупкое тело на глазах становилось сильным, когда голос находил верный тон и сотни сердец зрителей сливались в одно, которое начинало биться в одном ритме с сердцем Эдит... Килосанидзе порой с легкой полуулыбкой и восхищением смотрит на свою героиню со стороны, не обрывая, однако, нити, связывающие их, чтобы потом вернуться и полностью слиться с ней» (Л. Юшкевич. «Жизнь – песня»).

В еще одной сибирской публикации автор отмечал, что Нелли

Килосанидзе в роли Пиаф была «настолько трогательна, что вызвала у многих присутствующих слезы и гром долго не смолкающих аплодисментов», что «одаренная актриса настолько сливается с образом, что веришь каждому ее слову, взгляду, действию».

А вот как восприняли «Эдит Пиаф» зрители Феодосии:

«Париж, Пиаф и песня птица –
Весь мир собой они полнят,
У нас восторженные лица,
Глаза же радостью горят!
Спасибо Вам за Ваш спектакль,
За Вашу чудную игру.

Нет, не рыдал никто, не плакал:
вспугнуть боялись тишину.
С искренним уважением
Ансамбль «Аквадель»
Г. Феодосия. 14. 09. 1974 г.».

Креативная, энергичная Нелли, постоянно генерирующая новые

«Физики». С Борисом Казинцом

«Вкус черешни». Она

творческие идеи и активно гастролирующая по большой стране, не ограничилась пьесой «Эдит Пиаф» и подготовила еще две работы, которые иногда показывала вместе с постановкой о королеве шансона: моноспектакль «Человеческий голос» Жана Кокто и эпизод из инсценировки лавреневской повести «Сорок первый». Актриса представила «галактику чувств, жертвенность женской любви». Три трагические истории женщин, отчаянно любивших и потерявших свою любовь. Возлюбленный Пиаф разбился в авиакатастрофе – и с его гибелью разбилось ее сердце; героиню Кокто оставил любимый, и она мучительно, страшно переживает расставание с ним; Марютка сама убила того, кто стал ей дороже всего на свете.

Тема всепоглощающей любви, близкая актрисе. Даже в мрачноватом спектакле Александра Товстоногова «Физики» Дюрренматта (1977) медсестра Моника в исполнении Нелли Килосанидзе несет свет любви... в жутковатой психиатрической больнице. И все вновь кончается трагически: женщина, влюбленная в полубезумного физика Мебиуса и признавшаяся ему в своих чувствах, погибнет от руки своего избранника. На вопрос журналиста о том, что для нее значит любовь, актриса однажды ответила так: «Любовь – это стержень жизни. Я вообще человек целомудренный. У меня с мужем была большая любовь. Потом мы расстались, хотя продолжали общаться. У нас общие дети. Дети – это и есть любовь, не важно, чем завершилась история любви».

ГОГИ КАВТАРАДЗЕ. «ВИШНЕВЫЙ САД»

В 1992 году Елена Александровна сыграла Раневскую – роль, о которой мечтают многие актрисы. Исключение – Нелли Килосанидзе.

«У меня никогда не было большого желания играть Чехова, – говорит она. – «Иванов» – немного другая пьеса, отличная от «Трех сестер», «Вишневого сада», «Чайки». Там все по-другому звучит. А вот самые

знаменитые чеховские пьесы меня не привлекали. Я никогда не думала: «Ах, как я хочу сыграть Раневскую или Аркадину!» Но когда Гоги Кавтарадзе предложил мне роль Раневской в спектакле «Вишневый сад», я стала все тщательно изучать. Я вообще люблю читать об эпохе каждой пьесы, привычках, обычаях этой страны, этого города, народа. Перечитала всего Чехова, все о нем, о спектаклях по его пьесам. Даже беседовала с московским режиссером-чеховедом. Мне всегда было интереснее процесс работы, чем сам спектакль. А чеховская эпоха – это было время моей бабушки, происходившей из русских дворян, бабушки из обрусевшего польского княжеского рода. Это были те самые годы и те самые настроения уходящего дворянства. И я начала рыться во всех старых маминых альбомах, смотрела старинные фотографии, на которых запечатлены дамы и господа из прошлого, читала письма с их своеобразным слогом. Были такие красивые нравы, отношения! Я себя ощущала в спектакле так, как будто это когда-то происходило в моей семье. Я отношусь к Раневской с трепетом и с большим сожалением. Многие пытались играть ее легкомысленной. На самом деле это чистая, тонкая натура. Работая над ролью, я тщательно подбирала костюмы. Они, кстати, мои собственные. Искала прически, отработывала движения. У меня сохранились фамильные реликвии. Рассматривая старинные фотографии, я даже копировала наклон головы, положе-

ние рук, посадку, прически. В роли Раневской чувствовала себя очень естественно.

Я очень любила последнюю сцену с Гаевым, которого прекрасно играл Валера Харютченко, мы с ним просто рыдали, когда уезжали из имения. Гоги Кавтарадзе очень интересно поставил эту сцену прощания – как сцену панихиды. Мы были в черном, и все, кто приходил к нам в дом проститься, пожимали нам руки – выражали соболезнование, как принято на панихиде. В этой сцене у меня внутри все дрожало! Я бросалась к Гаеву вся в слезах, и мы оба поворачивались спиной к зрительному залу и уходили. Уходили с этой сцены, из этой жизни в какую-то другую, которая нам была совершенно чуждой. Спектакль был поставлен очень современно. На сцене стояли огромные рамы, и все мы выстраивались, как на старинных фотографиях. Интересным был финал. Мы поворачивались спиной к залу, надевали на себя белые маски и вновь обращали к зрителям свои лица, уже в масках. И наши руки падали как отрубленные ветви деревьев...»

Раневская – Нелли Килосанидзе вызвала у зрителей нежное, щемящее чувство – чувство любви и страдания. Как, впрочем, и все ее героини. Казалось, актриса выразила через свою Раневскую собственное отношение к миру и людям, вновь соединив в одном образе хрупкость, незащищенность и силу, самообладание. Силу и самообладание женщины, не изменившей себе, не уро-

«Вишневый сад». Раневская

нившей свое достоинство.

«Раневская – одна из интереснейших работ актрисы Н. Килосанидзе. В ее исполнении это беспомощная, непрактичная женщина, чем отлично пользуется Лопехин. Она почти до самого конца не верит в то, что теряет усадьбу» (Н. Шалуташвили. «Приходите смотреть, как Лопехин хватит топором по вишневому саду»).

«Утонченная, одухотворенная Раневская со своим вишневым садом, генетически не способная жить категориями меркантильного расчета, отторгается. Да, именно так здесь подается Раневская. Режиссер и актриса прощают ей все недостатки, ясно выписанные Чеховым, они делают ее символом той давней, исчезающей как редкий вид интеллигенции, которая не умеет

поступиться своими принципами и которая в этих условиях будет неизбежно стерта с лица земли. Она даже не сможет передать свой генетический код потомкам – они отторгнут его, в них сработает инстинкт самосохранения...

Раневская обречена. Сама жизнь не прощает ей – не мы. Мы как раз, благодаря актрисе, готовы по-человечески простить ей все, потому что в ее сердце столько благородства и любви. Самое поразительное, что так жива и трепетна ее любовь к утонувшему маленькому сыну Грише (этого я не помню ни у одной сценической Раневской). Для нее это не эпизод из прошлого, но ее сегодняшняя и вечная боль. Она воспринимает его смерть как кару Господню за свои прегрешения. И кто же бросит камень в кающегося

грешника? Да, она всю жизнь сорит деньгами, но глядя на нее, не считаешь это пороком – ну не складывать же их в кубышку? А ее отказ от вырубки сада – это не глупость и не прихоть, это – «высочайший отказ». Она не может предать свое прошлое, своих предков. И купить благополучие ценой пошлости. В ее тихом скорбном прощании с домом и садом – прощание с самой жизнью. Раневская уходит в никуда. А вместе с ней в небытие уходит тот мир, в котором она жила и который она творила одним своим существованием» (В. Церетели. «Прощай, старая жизнь. Здравствуй, новая!»).

НИНА ГРИБОЕДОВА. АЛЕКСАНДР ТОВСТОНОГОВ

Еще один прелестный женский образ подарила нам Нелли Килосанидзе – Нина Чавчавадзе, жена Александра Грибоедова.

Актриса вспоминает: «Я заболела темой, которую мне подсказал после «Варшавской мелодии» замечательный артист Иван Русинов. В театре я его не застала. Познакомилась с ним тогда, когда он приехал в Тбилиси справлять свой юбилей. В

тот период мы работали в Доме железнодорожников на проспекте Плеханова, и Русинов попросил меня принять участие в спектакле, который поставила Мэри Ольшаницкая – «Пламенный мечтатель» Г. Мревлишвили. Я сыграла Нину, Русинов – Грибоедова. Он уже видел «Варшавскую мелодию» с моим участием и сказал: «Ты держишь зал, почему бы тебе не сделать моноспектакль о Нине Грибоедовой? Сделай, есть очень хорошая повесть Изюмского «Нина Грибоедова». Я достала эту замечательную книгу, стала изучать письма Нины Чавчавадзе, Александра Грибоедова, обратилась к роману-хронике С. Чилая «Екатерина Чавчавадзе». На основе всего этого я написала сценарий «Для чего пережила тебя любовь моя?». Нина у могилы Грибоедова вспоминает всю свою жизнь и такую короткую любовь с ним. Мне это было очень интересно: старый Тифлис, нравы, гостеприимный дом князя Александра Чавчавадзе. Подходил юбилей А.С. Грибоедова, и мы отправились на гастроли. Там я прочитала главному режиссеру Александру Товстоногову свой сценарий, получила его одобрение и стала готовить спектакль для филармонии. А потом Александр Георгиевич предложил мне сделать спектакль в театре, попросил принести пьесу, конечно, рассчитанную на моноспектакль. «Если вы не возражаете, будем это ставить к юбилею Грибоедова!» – сказал Сандро. Он решил, что в пьесу нужно добавить какие-то моменты из реалий того времени – это было поручено дра-

матургу, завлиту театра Александру Котетишвили. «И не будем писать на афише, что вы автор пьесы. Просто пьеса театра. Я отошлю ее в Министерство культуры, ее утвердят, и вам, как автору, заплатят», – сказал Сандро. Так и случилось. Пьесу заливали. Думаю, правильно, что меня не обозначили как автора пьесы. Но не со всеми внесенными в текст дополнениями я была согласна. На мой взгляд, некоторые сцены хрестоматийного характера снимали весь трепет спектакля – трепет любви этой женщины».

Вот что написала о спектакле Александра Товстоногова «Светлой памяти» газета «Вечерний Тбилиси»: «В постановке использованы ценные исторические документы, рассказывающие о сложившихся в те годы отношениях между Россией и Персией, архивные материалы, знакомящие с напряженной обстановкой, в которой работал А.С. Грибоедов, научные исследования о жизни и творчестве этого замечательного человека. Много нового и интересного узнает зритель из прозвучавших в спектакле воспоминаний его современников, из писем, которые он посылал из Тифлиса в Петербург, из Персии в Тифлис. Сценическая композиция спектакля построена на повествовании ведущих, которые то включаются в действие, то непосредственно обращаются в зрительный зал. Но что бы ни говорилось и ни делалось на сцене, все это происходит через один образ – любящей жены и преданного друга А.С. Грибоедова Нины Чавчавадзе.

Нелли Килосанидзе

Голос поэта, звучащий на сцене, обращен только к ней, с ней он говорит, ей поверяет свои думы, надежды, предчувствия. На сцене Нина Грибоедова находится все время – и тогда, когда Николай I назначает Грибоедова послом в Персию, и тогда, когда персидский шах высказывает своим приближенным недоверие по поводу деятельности русского посла.

Нина Чавчавадзе – ее роль проникновенно исполняет народная артистка Грузии Елена Килосанидзе – преданна своей любви. От первого объяснения между Грибоедовым и

Ниной, их венчания в кафедральном соборе и до последнего прощания в Тавризе, откуда Грибоедов уехал в Тегеран на службу, проходит пять месяцев и восемь дней. Этот короткий срок Нина была любимой и любящей женой Грибоедова. Свою любовь, кристальную чистоту и высоту чувства она пронесла через всю жизнь.

...В самом живописном месте Тбилиси на горе Мтацминда покоятся останки поэта, привезенные из Тегерана. На могиле надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?». Эта мысль пронизывает весь спектакль «Светлой памяти...», сыгранный в ключе траурного гимна».

Позднее Елена Александровна переписала свой сценарий в пьесу для двоих. Когда актриса уехала в Москву, у нее появился хороший партнер, с которым за двадцать дней подготовили спектакль и потом много раз его играли.

В 1995 году – юбилейном для театра Грибоедова – труппа отправилась на гастроли в Москву. Они были приурочены к 200-летию Александра Грибоедова. Привезли, как писала пресса, «небольшое и легкое» – детскую сказку «Принц-горбун» Ф. Кони, французскую комедию «Будьте здоровы!» П. Шено (режиссер обеих спектаклей – Лейла Джаши) и литературную композицию, посвященную А.С. Грибоедову, под названием «... Для чего пережила тебя любовь моя!» – по повести Бориса Изюмского о Нине Грибое-

довой. Поставила спектакль Елена (Нелли) Килосанидзе, она же выступила в роли Нины «в тактичном сопровождении московского артиста Эдуарда Митина».

«Строго решенное пространство – белый крест в глубине затемненной сцены; на него можно набросить подвенечную фату или венок. Музыка, воспоминания, цветы. Тени реальных людей эпохи – братья Пушкины, Александр и Лев; Кюхельбекер и Лермонтов; поэты Орбелиани и Бараташвили. И два героя в центре всего: незримый Грибоедов, каким он предстает в сочинениях и письмах своих; в воспоминаниях о нем, более всего, «в очах души Нины» – и сама Нина Чавчавадзе, на склоне лет заново переживающая свою жизнь [...] Как сыграть такую женщину, да еще и на протяжении тридцати с лишним лет? Елена Килосанидзе и не играет в обычном смысле слова – скорее, обозначает, ненавязчиво и эскизно, приоткрывая, а не обнажая душу. Это – в стиле литературного театра, «чтений», как задуман и сделан спектакль, и в стиле грузинской женщины также. Все есть – и живость, и обаятельное лукавство, и ужас потери, и безоглядный порыв, но – с ощутимой дистанцией, с целомудренной сдержанностью». Так восприняла работу Нелли Килосанидзе известный театровед Татьяна Шах-Азизова – материал был опубликован в газете «Экран и сцена».

Позднее появился и третий, школьный вариант истории любви Нины Чавчавадзе и Александра

Грибоедова: в московской Детской школе искусств Елена Александровна сделала его со своим первым выпуском. Сохранила почти всю канву, кроме последних страшных сцен: как брата чеченцы убили, как ребенка-племянника копытом лошады задавила. Но ввела туда отрывки из «Горя от ума». Называется спектакль «Гостиная Нины». Там были Пушкин, Лермонтов, звучали стихи Грибоедова, которые мало кто знает, его музыка. Спектакль получил Гран-при на VI московском открытом музыкально-театральном фестивале в 2003 году, а также стал лауреатом первой степени Грантового театрального конкурса «ТриумФ» в Санкт-Петербурге – в 2016-м. Но и на этом история спектакля «Гостиная Нины» не заканчивается...

«КОГДА МОЛОКО УЖЕ ПРОЛИТО...»

...На малой сцене театра двое – Он и Она, горячо любящие друг друга, хотя проявляют свои чувства совершенно по-разному. Она спокойна, уравновешенна, руководствуется принципом: если молоко уже пролито, то плакать нечего. Он, напротив, взвинчен, суетлив, склонен к чрезмерной рефлексии, мучается чувством вины. Но героев объединяет большое чувство, которое они пронесут через

десятилетия. Несмотря на двусмысленность положения, в котором оказались персонажи пьесы Б. Слейда «В будущем году, в то же время», фривольность некоторых ситуаций, зритель воспринимает все происходящее без скепсиса или иронии, тем паче без осуждения и даже с сочувствием. И причина кроется в характере отношений чудаковатого Джорджа (Элизбар Кухалеишвили) и его невозмутимой подруги Дорис (Елена Килосанидзе). Это чистые, порядочные, цельные натуры, которым претит ложь, лицемерие, измена. Каждый из них имеет семью, привязан к детям, но раз в году Джордж и Дорис уединяются, чтобы вкусить запретный плод. Сохранить любовь, пронести ее через всю жизнь этой паре удастся в большей степени благодаря женской мудрости и оптимизму Дорис – Елены Килосанидзе.

Комедия «В будущем году, в то же время» вызвала живой интерес публики и благожелательные отклики прессы.

«Режиссура и безупречная игра обоих актеров как бы подтверждают возможность раздвинуть рамки прежних шокирующих запретов (разумеется, в пределах приличия да с долей юмора), закрыть глаза на откровенную скабрёзность диалогов, которые не столько коробят, сколько рождают улыбку. Актеры Н. Килосанидзе и Э. Кухалеишвили легко и непринужденно, с полной сценической свободой, с ироничным отношением к причудливым коллизиям, артистично и со вкусом выстраивают довольно сложную линию поведения героев. Здесь многое определяет пластика

«В будущем году, в то же время». Дорис

движений, ловкость и сценическая сноровка, радует глаз умение пользоваться аксессуарами, ощущать костюм, в целом атмосферу, столь удачно найденную тонким и думающим художником Тинатин Гейне.

Возникает в спектакле еще одна, временная, а следовательно – актерская проблема, идущая от пьесы, – это возраст героев, за двадцать пять лет заметно меняющих свой облик. Здесь надобны и такт, и чутье, и чувство сценического ритма, дабы не оказаться смешным в глазах зрителя, который не только чуток и непримирим к неправде, но и, доверившись раз актерам, ждет от них убедительности и, говоря словами Чехова, «любви иной, прелестной, поэтической, уносящей в мир грез». Над этим нельзя смеяться, и режиссер, и актеры стараются удерживать найденное. Сквозной момент их существования в спектакле – неподдельная искренность неугасающих чувств и снова юмор, теперь уже с грустинкой и даже слезами» (Этери

Гугушвили. «В будущем году, в то же время»).

«Непредсказуемость ситуаций, накладывающаяся на неординарность характеров, рождает многообразие эмоций, где соседствуют и лирика, и драматизм, и эпатаж, и ирония – все то, что и составляет главную прелесть актерской игры», – отмечает Вера Церетели в своей рецензии «Ностальгия», в которой подчеркивает, что жизнь героев спектакля, их проблемы «чужды апокалиптическому сознанию зрителей, сидящих в зале, кстати, неоттапливаемом».

Этот спектакль – как и другие в период художественного руководства Гоги Кавтарадзе, совпавшего с тяжёлыми для Грузии испытаниями, играли действительно в сложных условиях. В интервью той поры Нелли Килосанидзе говорила о том же самом, что и театральный критик Вера Церетели, – о наступившей трагической эпохе, когда порвалась связь времен, когда любимая работа перестала приносить радость, когда и публика стала другой.

«Она (работа. – И.Б.) сейчас очень странная. Видите, в каких условиях существуем. зуб на зуб не попадает от холода. Играем один-два раза в неделю, в дневное время. Это расхолаживает и зрителей, и нас. Театр должен работать ежедневно. Сейчас залы пустуют. В лучшем случае приходят случайные люди, весьма далекие от театра. Так что, если честно, ничего не радует, а больше огорчает. Особенно раздражает глупость. Он нее все беды на земле. Поэтому я не люблю глупых людей, они страшны.

И еще не терплю лжи. Но когда зажигаются огни рампы, забываю обо всем на свете. На два часа отступают повседневные проблемы. Я жалею о том, что ушли из жизни близкие мне люди старшего поколения. Всегда любила именно зрителей пожилого возраста. Они были всегда лучше подготовлены к восприятию театрального действия. Молодежь большей частью равнодушна к театру. Но я верю в возрождение интереса к сценическому искусству. Никакие видео не заменят сиюминутного общения зрителя с актером» (И. Безирганова. «Когда молоко уже пролито, то плакать нечего». «Закавказские военные ведомости»).

МОСКВА. ДЕТСКАЯ ШКОЛА ИСКУССТВ

Сложившиеся обстоятельства, ситуация в Грузии заставили Елену Александровну кардинально поменять свою жизнь – уехать из страны. Это решение далось Нелли нелегко – слишком многое связывает ее с Грузией, Тбилиси, театром Грибоедова. Вся жизнь – корни, воспоминания, родные, друзья!

«В середине 90-х годов наш театр был на гастролях в Москве, – рассказывает Нелли. – Ко мне за кулисы после спектакля пришла известный режиссер, заслуженный деятель искусств Грузии Мэри Григорьевна Оль-

шаницкая – кстати, выпустившая немало интересных спектаклей на Грибоедовской сцене в 60-е годы, и, узнав подробности о тогдашней жизни в Тбилиси, пригласила меня на работу в театральную школу, которую возглавляла. Мои дети в это время жили в Москве – сын Константин, филолог по образованию, работал в бизнесе (позднее готовил анонсы новых изданий для каталога книг), дочка Гелена оканчивала вуз. В Тбилиси сложилась ужасная ситуация – театр был парализован, не было ни света, ни газа. Я вернулась с гастролей домой и, посидев неделю в темноте, без детей и работы, сообщила Ольшаницкой, что принимаю приглашение. Так я стала преподавать сценическую речь и актерское мастерство детям и потом ни разу не пожалела о своем решении. К сожалению, буквально через полгода Мэри Григорьевна ушла из жизни, и меня назначили художественным руководителем нашей школы.

Школу – она находится в Медведково – возглавляла потрясающий директор Елена Анатольевна Курдюмова, она умудрилась в наше сложное время построить новое двухэтажное здание. В школе две сцены – большая на сто мест, не многие профессиональные театры могут похвастаться такой роскошью. Мы делали прекрасные декорации к каждому спектаклю, а сценические костюмы заказывали в Долгопрудном, на фабрике театрального костюма, где шьют костюмы для артистов Большого театра. Каждый обходился нам в 10-15 тысяч рублей. Школу всячески поддерживали и поддерживают правительство Москвы и

Министерство культуры. Это обычное государственное учебное заведение, как привычная музыкальная школа, только театральная. Уникальность ее в том, что она одна на всю Москву. Выпускникам выдают сертификат, но никаких льгот для поступления в вуз он не предоставляет. Платы за обучение тоже не берут».

Преподавательский коллектив школы искусств какое-то время в шутку называли филиалом Грибоедовского театра. Потому что в тяжелые времена в Москву потянулись грибоедовцы. Приезжали на новое место, не имея ни жилья, ни работы. И Елене Александровне, человеку на редкость отзывчивому, неравнодушному, удалось пристроить несколько человек. В школе успешно работали такие замечательные артисты, как Элизбар Кухалеишвили, Ирина Квицинадзе, Анатолий Смиранин, Лариса Крылова. Со временем ситуация, конечно, изменилась. Сегодня в школе по-прежнему служит только Анатолий Смиранин. Алик Кухалеишвили ушел из жизни, Ирина Квицинадзе вернулась в Тбилиси, в родной Грибоедовский, и возглавила театр-студию юного актера «Золотое крыльцо», Лариса Крылова совсем недавно тоже покинула это учебное заведение. Но все это спустя годы, после плодотворного периода их деятельности в Детской школе искусств. Нелли Килосанидзе приходилось даже выслушивать упреки, мол, собирает вокруг себя немолодых грузин. «А где взять молодежь? Талантливые играют на сцене, а люди с дипломом института культуры ничего, кроме утренников, поставить не мо-

гут», – защищалась она. Но лучшей защитой оказались результаты – не было ни одного конкурса, на котором воспитанники школы не заслужили бы наград и призов. Так, спектакль «Странная миссис Сэвидж» завоевал диплом лауреата I степени и диплом «Абсолютный чемпион» в Международном турнире искусств «Славься, Отечество!», проходившем в 2017 году в Сочи. Примечательный факт: миссис Сэвидж блестяще сыграла заслуженная артистка Грузии Лариса Крылова – вместе с воспитанниками школы. Это уже сложившаяся традиция – участие профессионалов в

Нелли Килосанидзе в Детской школе искусств

постановках ДШИ. И ввела ее Мэри Григорьевна Ольшаницкая. По мнению Елены Александровны, это очень полезный опыт: начинающие артисты, ориентируясь на работу мастеров, невольно подтягиваются, творчески собираются, растут. Радует Нелли Килосанидзе и тот факт, что многие воспитанники не изменяют театру и в той или иной форме продолжают служить ему и по окончании обучения. Таким образом, работа в Детской школе искусств – это действительно новый, по-своему яркий и насыщенный этап жизни Нелли Килосанидзе. Она открыла в ней новые творческие возможности и ресурсы – как умного, талантливого режиссера-педагога и художественного руководителя.

«Атмосфера в школе сложилась очень творческая, – вспоминает Нелли. – Лара Крылова работала с малышами. Остальные грибоедовцы – с подростками. Воспитанники школы с пятого класса участвовали в постановках. Мы делали спектакли по сказкам Андерсена, пьесам Шварца, Шоу. Поставили, к примеру, «Пигмалиона». Роль Элизы Дулиттл исполнили по очереди две девочки, одна другой лучше! Выпустили «Мэри Поппинс» Памелы Трэверс, «Забавный случай» Гольдони. Мои артисты составили труппу «Мираж» при Детской театральной школе N7.

Научить ребят можно многому, кроме преодоления страха сцены. Сама этому так и не научилась. Весь день перед спектаклем – обычным, не премьерным я была сама не своя. Срываться на ближних никогда себе не позволяла и копила напряжение

«Пеппи длинный чулок»

внутри, а это была огромная тяжесть: все раздражало, ничего не хотелось, я ненавидела все – и театр, и публику, и грим, и костюм. И так до момента выхода. Кулисы, свет фонарей действовали на меня гипнотически. Мгновение. Шаг. Сцена. Дальше ничего не страшно».

Детская школа искусств под художественным руководством Нелли Килосанидзе расцвела и заслужила репутацию лучшей. В материале Н. Тимофеевой, опубликованном на сайте всероссийской музыкально-информационной газеты «Играем сначала», читаем: «ДШИ N7 может служить образцом учреждения театрального профиля по тем условиям, которые созданы для успешного обучения детей и подростков театральному искусству. Небольшое, компактное, очень уютное здание, два театральных зала, оборудованные просторные классы, примерная, костюмерная. Когда заходишь в школу, сразу становится понятно: в этом учреждении все нацелено на то, чтобы хотелось приходить сюда учиться, а уходить не хотелось

«Беда от нежного сердца»

бы вовсе. Постоянные аншлаги на учебных спектаклях, большая просветительская работа, поступление выпускников в театральные вузы, победы в городских фестивалях и конкурсах – все это достижения преподавательского коллектива ДШИ N7 во главе с директором Курдюмовой Еленой Анатольевной и художественным руководителем школы, мастером сцены, большую часть жизни отдавшей Тбилисскому русскому драматическому театру имени Грибоедова, народной артисткой Грузии Килосанидзе Еленой Александровной».

О многом говорят и отзывы воспитанников: «Эта театральная школа научила меня всему и помогла приобрести многое (быть открытой, быть разной, взаимопомощи, моральному и духовному росту, переживать жизнь героев, подарила мне вторую семью и т.д.). Мой любимый режиссер Елена Александровна Килосанидзе – это потрясающий человек, она как мама, дает нам советы не только в связи со

спектаклями, но и в личных вопросах, мы ее очень любим, Елена Александровна с нами с детства, спасибо Богу за такого человека!» (Башкирцева Вероника).

«Елена Александровна – самый лучший преподаватель и режиссер; спектакли, которые она ставит с детьми, бывают интереснее, чем в профессиональных театрах, к тому же она прекрасный, добрый и отзывчивый человек» (Силивоненко Анастасия).

Видеозапись сохранила выступление Нелли Килосанидзе перед очередным спектаклем в школе искусств. Она обращается к юным – своим воспитанникам, сидящим в зале. И как Елена Александровна это делает! Мягко, тактично, с улыбкой. Без тени назидательности, нажима, навязывания каких-то избитых истин. Только так и возможно. Такие же Нелли ставила и продолжает ставить спектакли – тонкие, ажурно сплетенные, глубоко осмысленные, легкие, отмеченные вкусом. Нелли учила и учит своих юных артистов мыслить и чувствовать, слушать партнера на сцене, общаться с ним, владеть собой. Вспоминаются ее слова о том, что молодежь большей частью равнодушна к театру и не подготовлена к его восприятию так, как старшее поколение. Но именно она делает все от нее зависящее, чтобы готовить, воспитывать не только будущих артистов, но и, прежде всего, зрителей, театралов, наследников высокой сценической культуры.

ШВЕЦИЯ. «СТРАНИЦЫ СТАРОГО АЛЬБОМА»

Новый поворот судьбы Нелли Килосанидзе связан со Швецией, где живет и работает ее дочь Гелена. Геля занималась молекулярной биологией, вместе с мужем вела научные исследования в престижном научном центре – Каролинском институте. Позднее Геля ушла из науки и сейчас работает в медицинской компании Abbott, основная ее задача по-прежнему связана с Каролинской больницей (институт и больница – единая система).

Нелли не была бы сама собой, если бы, оказавшись на новом месте, в новой среде, не продолжила заниматься творчеством, не создала театр и не начала вновь ставить спектакли. И опять – с группой детей и подростков, объединившихся в литературный салон «Страницы старого альбома». Уже в самом названии – литературный салон – заключен глубокий смысл. Потому что Нелли Килосанидзе вместе со своими новыми воспитанниками продолжает давние культурные традиции. Как известно, зарождение салонной культуры в России происходило в XVIII веке, а расцвет ее приходится на первую половину XIX столетия. Салонная культура оказала огромное влияние на развитие всех видов искусства того времени, определила целый ряд философских направлений, сформировала политическое сознание.

Как рассказывает дочь Геля, «Страницы старого альбома» – не

«Гостиная Нины». В заглавной роли – внучка Н. Килосанидзе Катя (вторая справа)

«Гостиняя Нины»

театральная студия в привычном понимании этого слова, а просто компания детей родителей, которые дружат между собой. «Они собираются у нас дома, иногда у кого-то еще. Репетируют с Нелли, едят ее олады, играют на фортепиано, гуляют и много гастролируют. Причем выступают бесплатно и путешествуют за свой счет. Просто нам, родителям, нравится возить компанию ребят по разным городам, а они получают удовольствие от приема, который им оказывают местные русские диаспоры».

На одном из сайтов литературный салон «Страницы старого альбома» представлен так: «группа школьников, которые любят театр, музыку и русскую литературу».

Ребята начали собираться под руководством Елены Килосанидзе и под эгидой средней школы при Посольстве России в Швеции сравнительно недавно – в июне 2017 года. В театре десять артистов, которые учатся на очно-заочном отделении школы при российском представительстве.

В репертуаре коллектива – легендарный спектакль «Гостиняя Нины», который вновь поставила, естествен-

но, Нелли. Нина Чавчавадзе не отпускает ее и по сей день. И вот удивительный факт – в литературном салоне на шведской земле в образе прекрасной грузинки предстала... внучка Елены Александровны – Катя! Без комментариев – налицо преемственность... Очарование, культура, вкус.

Правда, шестнадцатилетняя Катя пока на распутье – не определилась с выбором профессии. По словам мамы Гели, раньше она говорила, что будет либо актрисой, либо театральным художником – дочь очень хорошо рисует. Но в гимназию поступила на естественнонаучное направление, чтобы не ограничивать себя заранее узкой темой эстетики. Посмотрим, впереди еще два с половиной года учебы. Время все расставит по своим местам. А сегодня Катя радует зрителей, выходя на сцену в образе Нины Чавчавадзе – и не только...

Премьера новой версии «Гостиняя Нины» состоялась в школе при российском посольстве. После спектакля своими впечатлениями поделилась глава общества русских иммигрантов Людмила А. Турне, урожденная княгиня Демидова-Лопухина: «Я сама в прошлом актриса, выпускница театрального училища имени Щепкина, поэтому мне вдвойне было интересно познакомиться с юными артистами – воспитанниками Елены Александровны. В первую очередь, меня порадовало то, что дети берутся за серьезные темы, связанные с русской литературой и историей. Ну и, конечно, было приятно видеть в зале аншлаг и то, как тепло зрители воспринимали происходящее на сцене.

Деятельность литературного салона достойна всяческих похвал. Я и мои коллеги смотрели спектакль «Гостиня Нины» с особым волнением, потому что он погрузил нас в блистательную эпоху русской литературы, напомнил об удивительной любви Нины Чавчавадзе и Александра Грибоедова, трагическая судьба которого всегда воспринимается с особой остротой, тем более что премьера состоялась как раз накануне 190-летия со дня гибели поэта и дипломата».

Спектакль «Ожившие портреты» – еще одна работа Нелли Килосанидзе с участием одаренных детей литературного салона. В этом изящном музыкально-поэтическом представлении звучат тридцать стихотворений поэтов Серебряного века и русские романсы. Подростки выступают с таким вдохновением, что зритель с удовольствием включается в предложенную ими романтическую игру, отрывается от реальности и переносится в эпоху, когда нераздельно царствовала Поэзия.

Воспитанники Нелли легко и свободно двигаются на сцене, умеют носить костюм, а главное – мыслить и чувствовать на языке поэзии золотого и серебряного веков. Впереди очередная премьера – «Поллианна» по роману-бестселлеру американской писательницы Элинон Портер. Пандемия отодвинула это событие на неопределенное время, но все еще будет!

До сих пор юные актеры показывали свое искусство на малой сцене российского посольства, в залах Стокгольма, Гетеборга и других городов

Швеции, в Хельсинки. А теперь изысканных участников салона «Страницы старого альбома» ждут в Париже – городе художников и поэтов! Кроме того, их пригласили выступить в музее-квартире Андрея Белого на Арбате... О чем еще можно мечтать?

НОСТАЛЬГИЯ

«Вот уже много лет я живу вне Грузии, но часто вспоминаю Тбилиси, где мы практически не запирали входную дверь. К примеру, актер Валерий Петровский мог прийти к нам домой в половине десятого утра. Мы все спим в спальне. А он придет, зайдет в гостиную, на кухню, чайник вскипятит... К нам могли заглянуть и в три часа

Сын Константин

Дочь Геля

ночи. В Тбилиси между людьми было совсем другое общение – то, чего мне так не хватает в Москве.

Когда меня спрашивают, какой период жизни оставил наиболее глубокий след в моей душе, я отвечаю так: «Рождение детей. Это огромное потрясение, когда приносят рожденное тобой существо. Когда моя дочь Геля родила, я присутствовала при этом событии. При появлении на свет внучки Катеньки был и ее папа. Я не могу передать, какие чувства мы все

испытали при рождении этого удивительного человечка. Катя родилась 3 ноября. Дело в том, что у меня с сыном Константином день рождения в один день – 5 ноября. Обещали, что и Катя составит нам компанию, однако она немного поторопилась. Я гуляла с внучкой по Парижу! Приехала в гости в Швецию, а дети организовали поездку во Францию. Это было прекрасно! Могла ли я мечтать, что положу цветы на могилу своего кумира – Эдит Пиаф? Эта роль для меня очень много значит. «Пиаф» – единственный спектакль, в котором я долго выходила на сцену. Удачные спектакли или удачные дни спектаклей тоже оставили глубокий след в моей душе – как и рождение детей!

Вообще я никогда ни о чем не жалею и стараюсь не создавать никаких трагедий, воспринимаю все так, как оно есть, сохраняю душевное равновесие. Если молоко уже пролито, то плакать и в самом деле не стоит. В этом смысле мне близка позиция моей героини Дорис из спектакля «В будущем году, в то же время».

АКВАРЕЛЬНЫЕ КРАСКИ

Заслуженная артистка Грузии
Людмила Артемова-Мгебришвили:
– Нелли – моя самая близкая и преданная подруга, ни с кем не могу

ее сравнить: мы с ней как сестры. Она любит меня не меньше, чем свою родную сестру Магду. Я убеждалась в этом не раз на протяжении нашей полувековой дружбы. Более отзывчивого человека я не встречала по жизни. Нелли – это воплощение благородства, великодушия, щедрости, широты души, изумительного воспитания, интеллигентности. Самые высокие эпитеты, которые можно сказать о женщине, я адресую Нелли. Мы с ней актрисы одного плана, тем не менее продружили в одном театре так, что у нас из-за роли не было ни одного конфликта.

В свои годы Нелли потрясающе выглядит. Ей никогда не дашь ее возраста. Она такая же, как в молодости, – с прямой спиной, молодым лицом, горящими глазами, легкостью движений. В Нелли какой-то внутренний огонь, стержень, и это дает ей силы. Может быть, и ответственность, которая всю жизнь была на ней. Елена тянула семью, детей. Она ведь прожила непростую жизнь: и детство, и юность, да и вся жизнь были очень и очень трудными. Но у нее счастливая зрелость, которую Нелли всем своим образом жизни, отношением к ней, к людям вокруг, семье, друзьям, к искусству, работе, заслужила.

В молодости я любила играть отрицательные, характерные роли, а Нелли предпочитала положительных героинь. Говорила: не хочу играть отрицательные роли, знаю, что характерные персонажи, – это не совсем мое. Нелли – лирическая героиня, и осознавала это. Если она играла комедийную роль, то это был лирико-комедийный образ. Характерность бы-

«Вспомним нашу молодость». Иамзе

вает разная. Можно быть шикарной дамой и при этом злодейкой. Елена Килосанидзе такие роли – к примеру, женщину-вамп! – не хотела играть. Даже Эдит Пиаф она представляла, прежде всего, как артистку, а не пьянчужку из парижского кабачка «Лулу» на площади Пигаль, женщину, поднявшуюся с самого дня. Рафинированная Нелли Килосанидзе блестяще передала Эдит Пиаф как артистку, жизненная ее ситуация в спектакле особенно не затрагивалась. Он был поставлен в эстетике, которая, возможно, не очень соответствовала реальной судьбе певицы, жившей во мраке, под тяжелыми наркотиками. Потому и скончалась в 50 лет. Так что даже в спектакле про Эдит Пиаф Нелли Килосанидзе несла только свет, по-

Нелли Килосанидзе

тому что всегда стремилась наверх, к свету, добру. Она так жила и потому даже в театре хотела играть положительных героинь, чтобы зритель ей сочувствовал и шел за ней. Во всяком случае туда, куда героиня вела и направляла.

Нелли стремилась хорошо выглядеть на сцене, что ей блестяще удавалось. Она была шикарная, необыкновенно красивая на подмостках. В молодости ее называли грузинской Одри Хепберн. Когда на советских экранах прошел фильм «Римские каникулы» Уильяма Уайлера с участием этой голливудской актрисы, Нелли училась в Щукинском училище. Однажды в аудитории вошел ее мастер Владимир Этуш и сказал: «Нелли, я вчера я был на просмотре фильма «Война и мир»,

там Наташа Ростова – Одри Хепберн – копия вы, но вы лучше!»

Нелли всегда с большим уважением относилась к своей профессии. Актриса на сцене должна была быть примером для подражания, безукоризненной, и Нелли это всегда удавалось. Мама ее была художницей, поэтому и в эстетическом плане Нелли хорошо воспитана, прекрасно представляет, как та или иная героиня должна быть одета, хорошо знает историю костюма. У Нелли дворянские корни, в ее доме было много вещей ушедшей эпохи. Какие-то костюмы она принесла в театр. Например, Раневскую в «Вишневом саде» Нелли играла в раскошных накидке, шляпке из личного гардероба, бабушкиных сундуков.

В той постановке, в той эстетике, в которой у нас был поставлен «Вишневый сад», Нелли была замечательной Раневской. Она передала ее трагизм, бесшабашность, нежизнеспособность. Она сыграла это уходящее время...

Нелли была очень интересная в спектаклях «Измена» А. Сумбатова-Южина, «В этом милом старом доме» А. Арбузова, «Час пик» Е. Ставинского, «В будущем году, в то же время» Б. Слейда. В мюзикле «Вкус черешни» А. Осецка Нелли прекрасно пела и танцевала. Она была чудесной «бесприданницей» Ларисой Огудаловой – первая роль, в которой я ее увидела. Мне запомнилась эта лирико-драматическая героиня, не борец за свое счастье, а просто влюбленная женщина. Память сохранила еще один замечательный спектакль, в

котором Елена Киросанидзе сыграла Нину Чавчавадзе.

Нелли всегда были свойственны жажда работы, неистребимое стремление жить творчеством. Вот что-то задумает – даже совершенно фантастическое! – и обязательно доведет это дело до конца. Целеустремленная, профессионально подготовленная, прекрасно образованная. И при этом очень простая в общении, сердобольная, милосердная, щедрая. Первое ее желание, когда человеку плохо, – помочь. Причем из последних своих сил и средств.

Актер, режиссер **Валерий Харютченко**:

– Когда я только пришел в театр, Гига Лордкипанидзе занял меня в спектакле «В этом милом старом доме» А. Арбузова, где Нелли играла роль Нины Бегак. Это была трогательная, в чем-то нелепая девушка. Вместе с Ефимом Байковским, основным ее партнером в спектакле, они составляли довольно странную, забавную пару. Героиня Нелли смотрела на мир широко распахнутыми глазами мечтательницы, видимо, желая изменить его к лучшему. Она была обаятельна, эксцентрична и искренна. В общем, в этой роли она демонстрировала все грани характерной актрисы.

Вчера – это уже прошлое. Сегодня – настоящее. Завтра – будущее. В такой последовательности проходит наша жизнь, мчится как скорый поезд, за окнами которого мелькают станции, полустанки, иногда поезд проносится мимо без остановок. Так что ничего не успеваешь запомнить, одни только пейзажи, закаты и восхо-

ды вспыхивают в памяти как светлячки. Но они согревают душу. Эмоциональная память выплескивает атмосферу тепла, сердце начинает биться сильнее, становится компасом, ориентирующим на добрые воспоминания. Ведь наши души – катализатор, отсеивающий негатив. Погружаясь в память, мы отправляемся в путешествие по нашей жизни. В одно мгновение прошлое возвращается, становится настоящим. И вот мы как будто вновь молодые, полные сил, веры, надежд. Но уже с высоты прожитых лет оцениваем свою жизнь, как тот машинист поезда, знающий маршрут, его подъемы, спуски, крутые виражи.

Ночью поезд резко дернулся, и я сонный свалился с верхней полки. Но не расшибся, а, импульсивно раски-

«Первый шаг». Эсма

нув руки и ноги, прервал свое падение за полметра до пола. И как ни в чем не бывало заказал себе и всполошившимся коллегам чай с коньяком и закуской. Артист должен быть здоров и удачлив, каковым я и оказался. Ведь впереди нам предстоял тур по Сибири со спектаклем «Эдит Пиаф» с несравненной Нелли Килосанидзе в заглавной роли. И никто из артистов не должен был подвести. Вот я благополучно и спланировал. А ехали мы из города Кургана, где давали благотворительное представление в клинике знаменитого хирурга Гавриила Илизарова. Это был незабываемый по взаимным впечатлениям спектакль. Зрительный зал заполнялся людьми на инвалидных колясках, костылях и каких-то невероятных приспособлениях. С помощью метода Илизарова врачи ставили на ноги искалеченных людей, совершали чудеса, восста-

«Лиса и виноград». Мели

навливая длину конечностей до 20 сантиметров и более. И вот как ежики с пронизанными илизаровскими спицами ногами и руками, радостно сияя, благодарят Нелли – Эдит Пиаф и нас, ее партнеров, илизаровские подопечные, их врачеватели и сам выдающийся хирург, чудесный, добрый, настоящий человек Гавриил Абрамович. С Нелли тогда мы побывали в Омске, Иркутске, Новосибирске и на станции Зима – родине Евгения Евтушенко, где в вокзальном ресторанчике дегустировали рябиновую настойку, закусывая белыми грибами, клюквой и хорошим настроением. В окно ресторана постучался сам Владимир Ильич, видимо, желая согреться и развлекаться в нашей веселой компании. Дело в том, что на станции Зима, в палисаднике стоял странный памятник великому вождю. Постамент бы высокий, сам Ленин нормальный, а традиционно вытянутая вперед рука была огромной. Так что он действительно мог бы при желании дотянуться до ресторанный окошка. После обеда мы возложили к памятнику цветы и по указанному рукой Ленина направлению отправились к великому Байкалу, где, восхитившись его неземной красотой, испили байкальской живительной водицы, отчего мы до сих пор живее всех живых.

В моей памяти осталась и неожиданная радостная встреча в ночном иркутском аэропорту с моим другом и однокурсником по Владивостоку Юрой Ицковым, который, увидев в городе нашу афишу, приехал глубокой ночью в аэропорт встречать меня. Сегодня Юра – народный артист России,

ведущий актер Санкт-Петербургского театра сатиры на Васильевском. Много ярких воспоминаний оставила эта поездка, но главная – сам спектакль, благодаря мастерству и художественному такту Нелли. Она так точно передавала все нюансы трагических перепадов в судьбе Эдит Пиаф, этого французского воробышка, как называли певицу миллионы ее поклонников! Не было ни одного равнодушного среди тех, кто увидел Нелли в этой роли. И зрители, и мы, актеры, занятые в спектакле, каждый раз испытывали настоящий катарсис.

Сегодня, когда мир оказался под общей угрозой, особенно остро ощущается тема чеховского «Вишневого сада». Стучат топоры, и белые цветы осыпаются на землю.

«Любовь Андреевна: О мой милый! Мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое!.. Прощай!.. Прощай!..»

Гаев: Сестра моя, сестра моя!..» (бережно поддерживая друг друга, Раневская и Гаев покидают сцену. Лишь звук катящегося бильярдного шара прорезает тишину).

Вот так и нас, как бильярдные шары, размывает по миру судьба. В глазах Нелли стояли слезы, наши сердца бились в унисон. Я так любил ее, свою сестру, но ничем не мог помочь ни ей, ни себе. В финале раздавался голос Фирса: «Уехали... Про меня забыли».

Боль потери – таков итог героев «Вишневого сада» в постановке Гоги Кавтарадзе. С нежностью вспоминаю нашу совместную с Нелли работу в этом спектакле. Она была за-

мечательной Раневской и чудесным партнером, тонким, внимательным, умным.

Народная артистка Грузии, народная артистка России **Ариадна Шенгелая**:

– Нелли Килосанидзе – трудолюбивая пчелка, с активной жизненной позицией, всегда стремилась все успеть, сделать как можно больше. Она всю жизнь работала для дома, семьи, детей! При этом всегда оставалась женщиной. Даже будучи в возрасте она посещает балетный кружок, стремится поддерживать хорошую физическую, творческую форму. Это говорит само за себя и не нуждается ни в каких комментариях.

Нелли – человек талантливый! Помню ее очаровательную Виктошу в спектакле «Сказки старого Арбата» А. Арбузова. Хорошая работа – мне запомнились даже мельчайшие детали ее роли! Прекрасно сыграла Нелли в спектаклях «Варшавская мелодия», «104 страницы про любовь», «Закон вечности»... Меня всегда поражали ее целеустремленность, умение осуществлять задуманное.

Режиссер, драматург, музыкант, поэт **Заур Квицинадзе**:

– Мне посчастливилось работать вместе с Еленой Килосанидзе в Тбилисском государственном русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова в середине семидесятих годов прошлого века. В те годы художественным руководителем театра был великолепный режиссер Александр Георгиевич Товстоногов, которого все запросто называли «Сандро», а директором – Отар Давидович Па-

питашили. Это была золотая эпоха грибоедовского. Народ буквально ломился в театр, актеров после спектакля долго не отпускали. Зрители знали и любили всех грибоедовских актеров, при этом актрисы были особенно любимы – такие, как Наталья Бурмистрова, Ариадна Шенгелая, Людмила Артемова-Мгебришвили, Тамара Белоусова, Людвиг Карлова, Лариса Крылова, Елена Килосанидзе, Валентина Воинова, Валентина Семина, Тамара Соловьева, Ирина Квижинадзе, Замира Григорян, Ирина Мегвинетухцеси, Лариса Некипелова и многие другие, прославившие свой родной театр.

Я полюбил и запомнил Елену Килосанидзе, или, как мы все называли ее, Нелли, еще с зоринской «Варшавской мелодии» в постановке К. Сурмава. А когда Сандро в 1975 году поставил «Три мушкетера» Марка Розовского и Юрия Ряшенцева, я был покорен окончательно – покорен ее фантастически-ироническим образом королевы Анны Австрийской, когда она предстает перед нами в балетной пачке на пуантах. Зрелище поистине незабываемое! При этом актриса еще и танцевала, и делала это превосходно! Стоит ли удивляться невероятному успеху этого музыкального спектакля?

В следующем году Сандро вместе с Лейлой Джаши выпускает еще один, мгновенно получивший популярность спектакль «Вкус черешни» А. Осецка, в котором опять блистает Нелли Килосанидзе, демонстрируя филигранную комедийную игру, великолепную пластику, замечательные

На репетиции спектакля «Дуэль»

вокальные и хореографические данные. А в 1977 году мы видим нашу Нелли уже в драматической роли – в спектакле «Физики» Ф. Дюрренматта в постановке Сандро. И опять успех, и полный зал восторженных зрителей.

К юбилею А.С. Грибоедова Нелли написала замечательную композицию «Светлой памяти», где сумела воссоздать главные моменты жизни великого поэта, драматурга и дипломата. И Сандро поставил спектакль по этому произведению. Он стал предметом и моей гордости. В процессе постановки Сандро потребовал, чтобы у главных героев (Нины Чавчавадзе и Александра Грибоедова) был романс. Он позвонил мне ночью, и к утру текст был готов. Я включил в него те слова, что написаны на могиле поэта. Композитор Саша Раквишвили сочинил музыку. Первый куплет Нина и Александр (актеры Килосанидзе и

героем, что, пожалуй, «104 страницы» – одна из наиболее удачных моих работ. Это был гимн юной любви! А потом, через много лет, вышел спектакль «Закон вечности» Н. Думбадзе. На сцене встретились уже повзрослевшие и помудревшие и героини романа, и актеры, создавшие между этими двумя постановками самые разные характеры в самых не похожих друг на друга спектаклях. И тут – неразгаданный секрет! – Нелли, всегда оставаясь самой собой, в каждой новой роли была другой, неожиданной, по своему яркой. Благодаря своему уму, обаянию, таланту актриса создавала сложные, интересные, неоднозначные образы. Я признателен судьбе за то, что мне пришлось играть на сцене Грибоедовского театра с такими разными актрисами, в числе которых – Нелли. Могу с гордостью сказать: «Я был партнером Нелли Килосанидзе!»

Художник по свету **Любовь Майорова**:

– С Еленой Александровной мы познакомились в Тбилиси в 1985 году. А в конце 90-х, уже в Москве, Елена Александровна пригласила меня в Детскую школу искусств помочь ей в постановке спектакля – наладить световое оформление. Дело в том, что я много лет проработала художником по свету в Мурманском театре, затем у Светланы Враговой в московском театре «Модерн». В итоге я оказалась в этой школе, и меня определили заместителем директора по хозяйственной части. Школа тогда еще только строилась, и моими силами был создан театральный зал и вся техническая часть сцены.

С Еленой Александровной было очень интересно работать. Мы выпускали спектакли с детьми, и Килосанидзе работала с ними, как со взрослыми людьми. Многие ее выпускники уже поступили в театральные вузы, снимаются в кино и служат в театрах. Особенно запомнились спектакль «Снежная королева» и литературный вечер, посвященный поэзии Серебряного века. Елена не просто ставила спектакли, она занималась с ребятами, воспитывала их, учила, как сидеть, ходить, стоять, как себя вести в той или другой ситуации.

Театровед **Лана Гарон**:

– Кажется, что актриса Нелли Килосанидзе пишет своих героинь акварельными красками, столько в них воздуха, легкости, светотеней, свободного дыхания, жизни! Кажется, что сама естественность руководит актрисой.

Романтическая героиня Нелли прячется за интонациями, заведомо узнаваемыми, житейскими. Она – «своя» для зрителя. Не припомню, чтобы Нелли Килосанидзе можно было упрекнуть в пристрастии к излишнему пафосу, позерству или нагнетанию драматизма. Никакого нажима, никакой упертости.

Но при такой манере игры, при этих особенностях актерского почерка Килосанидзе всегда по своему амплу оставалась героиней, а сказать точнее, – трагической героиней.

Актрисе повезло работать в это время и в этом театре в исторический период оттепели. В Тбилисском русском театре имени Грибоедова, где служили замечательные режиссеры,

а труппу составляли актеры самого высокого уровня, эвакуированные во время войны в город Тбилиси.

Современными пьесами того периода произведения Арбузова, Радзинского, Зорина, Теннесси Уильямса, Артура Миллера...

И, конечно, классика. Конечно, Чехов. Это – репертуар Нелли Килосанидзе.

Совместно с талантливейшим Юрием Шевчуком Нелли Килосанидзе поставила спектакль «Эдит Пиаф», в котором сама сыграла главную роль. В конце 90-х мне посчастливилось увидеть постановку Гоги Кавтарадзе «Вишневый сад», в котором актриса играла Раневскую.

Две эти роли объединены общим настроением, предчувствиями. В них ритм нарастающей тревоги, нарастающей беды, в центре которой – не великая трагическая героиня, а прелестная талантливая женщина, обыкновенная, влюбленная, не умеющая сопротивляться ударам судьбы и все-таки сопротивляющаяся им. От созерцания этой смеси простодушия, неумелости и какой-то трогательной отваги сжималось сердце!

Актриса Лариса Некипелова:

– Первый спектакль в Грибоедовском театре, который я посмотрела, приехав в Тбилиси по окончании театрального института по приглашению Гизо Жордания и Заура Квицинадзе, был «Закон вечности» Н. Думбадзе. Я увидела талантливейшую труппу, с блестящими артистами, прекрасный ансамбль. Среди них была Нелли! Изящная, трогательная, очень красивая актриса, с необычным тембром

голоса. Я была заворожена ее игрой, ее героиней Марией. Еще подумала: «Хочу быть такой же, есть у кого поучиться...» Через несколько лет в спектакле «Двери хлопают» М. Фермо я играла дочь, а Нелли – мою маму! Чудесная, внимательная, очень деликатная партнерша. Спасибо за Ваш талант, юмор и терпение.

Актёр Анатолий Смирнин:

– Совсем недавно Елена Александровна с восторгом рассказывала мне, как в дни карантинов по всему миру она добиралась от дочки, из Стокгольма, к сыну – в Москву... Это три границы, паром до Хельсинки, на машине до Санкт-Петербурга и поезд до Москвы. Не знаю, все ли, более молодые, могли бы, проделав столь сложный путь, так легко и с юмором рассказывать об этом – как о «приключении»!

Да, в этом вся она, Елена Александровна Килосанидзе! Она же для

«Стакан воды». Королева Анна

Нелли Килосанидзе, Валерий Петровский, Людмила Артемова-Мгебришвили

всех, близко знающих и любящих ее, — наша Нелличка! Потрясающая актриса и очаровательная женщина, которой восхищались зрители на спектаклях театра Грибоедова с начала 60-х до середины 90-х годов. Зрители, любящие и помнящие ее по сей день.

Я еще мальчишкой как зачарованный смотрел на ее юную, воздушную Асель в спектакле «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова. Мне казалось, что ее трепетная героиня не ходила, а парила над сценой... Эти воспоминания детства ярки и живы до сих пор!..

Очень жалею, что в годы работы в театре Грибоедова мне не довелось быть партнером этой удивительной актрисы и светлого человека!

Уже в Москве Нелли с такой легкостью более двадцати лет тому назад привлекла меня к преподавательской и режиссерской работе в школе

искусств, где мы были рядом с ней долгие годы... Сколько она за это время поставила удивительно светлых и жизнеутверждающих, как она сама, спектаклей! Сколько воспитала учеников, влюбленных в нее и счастливых, что в их жизни состоялась встреча с этим мастером и удивительным человеком!

И когда я видел ее вновь, как много лет назад, взлетающей на сцену, чтобы показать какое-то решение репетируемого отрывка своим воспитанникам, когда она пушинкой взмывала на второй этаж школы, обгоняя своих учениц... я вспоминал ее Асель, так же легко порхающую на сцене старого Грибоедовского театра!

Нелли не изменилась! Она все так же парит над всеми сложностями и проблемами жизни!

Легкости и прекрасного полета, дорогая Нелличка!...

СОДЕРЖАНИЕ

«Я ВИЖУ ЛИЦА...»	5
ДЕТСТВО	6
БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТОВСТОНОГОВА	8
«ЩУКА» И ВЛАДИМИР ЭТУШ	10
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТБИЛИСИ. ТУМАНИШВИЛИ. «ВИД С МОСТА»	10
ПРИНЦЕССА	17
«МОЯ СТАРШАЯ СЕСТРА»	20
КОТЭ СУРМАВА. ГЕЛЕНА	21
«ПРО ЛЮБОВЬ» С МЕДЕЕЙ КУЧУХИДЗЕ	24
ХРУПКОСТЬ И СИЛА, ДРАМА И КОМЕДИЯ	26
ТРАГЕДИЯ «БЕСПРИДАННИЦЫ»	28
ГИГА ЛОРДКИПАНИДЗЕ. «ИВАНОВ»	30
ГИЗО ЖОРДАНИЯ. НОДАР ДУМБАДЗЕ	32
ЭДИТ ПИАФ, «ФРАНЦУЗСКИЙ ВОРОБЫШЕК»	33
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ. «ВИШНЕВЫЙ САД»	41
НИНА ГРИБОЕДОВА. АЛЕКСАНДР ТОВСТОНОГОВ	44
«КОГДА МОЛОКО УЖЕ ПРОЛИТО...»	47
МОСКВА. ДЕТСКАЯ ШКОЛА ИСКУССТВ	49
ШВЕЦИЯ. «СТРАНИЦЫ СТАРОГО АЛЬБОМА»	53
НОСТАЛЬГИЯ	55
АКВАРЕЛЬНЫЕ КРАСКИ	56

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке:
**«Департамента внешнеэкономических и международных
связей города Москвы»** и **«Правительства Москвы»**

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЧУДО САМООБЛАДАНИЯ

НЕЛЛИ КИЛОСАНИДЗЕ
(САГИНАШВИЛИ-ПОДГОРЕЦКАЯ)

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

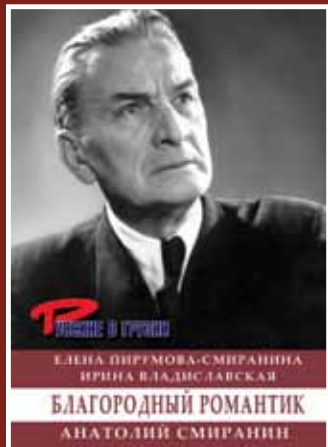
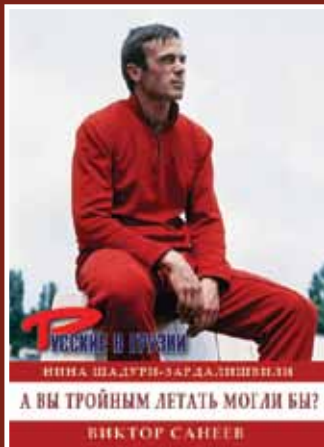
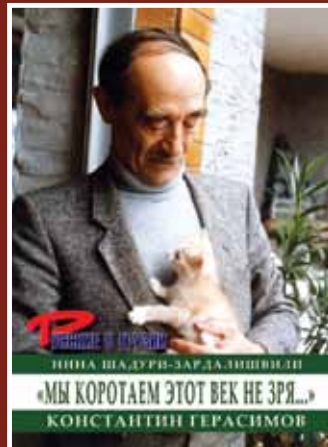
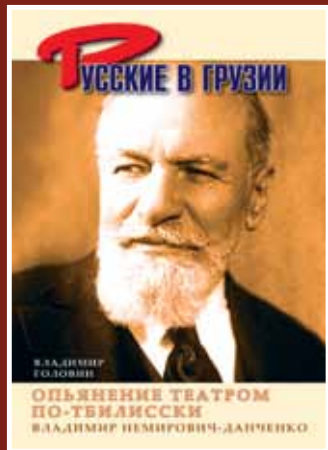
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Автор выражает благодарность Гелене Килосанидзе
за содействие в создании книги

В оформлении использованы фотографии из архива музея театра
им. А.С. Грибоедова и собрания семьи Килосанидзе

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Безирганова Инна – филолог, журналист, театровед. Член Международной ассоциации театральных критиков А.И.С.Т. Член Союза театральных деятелей Грузии. Член редакционной коллегии журнала «Русский клуб».

Окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили. Защитила диссертацию «Мир грузинской действительности и поэзии в творчестве Евгения Евтушенко». Доктор филологии. Автор книги «Ев-

гений Евтушенко. След любви».

Автор и составитель юбилейной книги «Русский театр в Грузии 170».

Автор книг, посвященных истории и выдающимся деятелям Театра им. А.С. Грибоедова – «Наталья Бурмистрова. Она была звездой», «Закон вечности Бориса Казинца», «Леонид Варпаховский. Партитура судьбы».

Корреспондент ряда грузинских и российских СМИ.

Лауреат профессиональной премии театральных критиков «Хрустальное перо. Русский театр за рубежом» Союза театральных деятелей России. Лауреат журналистского конкурса «Вопреки», учрежденного Фондом защиты гласности, Российской демократической партией «Яблоко» и редакцией «Новой газеты».

С 2009 по 2014 гг. – заведующая литературной части, с 2014 года – заведующая музеем Театра им. А.С. Грибоедова.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

(МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный артист РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч человек из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 550 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий книг «Русские в Грузии», «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

